

СИНТАШТА

путешествие во «времена сновидений»

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный исторический музей Южного Урала
Министерство просвещения Российской Федерации
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Н. Б. Виноградов, Н. Г. Бобрик, О. Г. Иванова

СИНТАШТА.
ПУТЕШЕСТВИЕ ВО «ВРЕМЕНА СНОВИДЕНИЙ»

Челябинск
2023

УДК 902.2(470.55)

ББК 63.4(235.55)

В49

Научный редактор:

Н. А. Берсенева, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии УрО РАН)

Рецензент:

В. И. Богдановский, директор Государственного исторического музея
Южного Урала

Виноградов, Н. Б.

В49 Синташта. Путешествие во «времена сновидений»: [Сетевое электронное издание] / Н. Б. Виноградов, Н. Г. Бобрик, О. Г. Иванова ; М-во культуры Рос. Федерации, М-во просвещения Рос. Федерации, Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-т. — Челябинск, 2023. — 134 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-905081-32-3

Авторы рассматривают настоящий альбом фотографий как в аспекте популяризации археологической экспозиции Государственного исторического музея Южного Урала, так и как существенное дополнение к научной источниковой базе. В него вошли авторские фотоснимки, созданные в 1974–1975 гг. во время исследования всемирно известного комплекса памятников археологии на реке Синташте в Брединском районе Челябинской области. Помимо научных снимков Н. Б. Виноградова, отражающих процесс исследования Синташтинского могильника, издание содержит жанровые снимки Н. Г. Бобрик (Балдиной), отражающие экспедиционную жизнь студентов-практикантов из ЧГПИ. Важной составляющей альбома авторы считают серию «полевых» жанровых снимков одного из блистательных археологов Урала XX века — Владимира Федоровича Генинга. Издание посвящено его светлой памяти.

На обложках фотографии Н. Виноградова и Н. Балдиной.

УДК 902.2(470.55)

ББК 63.4(235.55)

ISBN 978-5-905081-32-3

© Виноградов Н. Б., Бобрик Н. Г., Иванова О. Г.
и др., фотографии, 2023

© Государственный исторический музей
Южного Урала, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение с необходимыми пояснениями	5
История изучения объектов	
Синташтинского могильника.....	9
1974 год. Укрепленное поселение бронзового века	
Синташта I.....	38
1974 год. Синташтинский могильник	
(памятник СМ — Большой грунтовый могильник)	41
1975 год. Синташтинский могильник	
(памятник С II — Малый грунтовый могильник).....	70
Послесловие.....	133

Перед вами удивительный альбом фотоснимков, которым полвека. В течение четырех полевых сезонов, в 1973–1976 годах, студенты-историки из Челябинского пединститута проходили учебную полевую археологическую практику на раскопках всемирно известного комплекса памятников археологии на реке Синташте на крайнем юге Челябинской области. Руководил полевой практикой, а в 1975 году и раскопками Синташтинского могильника, молодой археолог, а ныне доктор исторических наук, известный археолог и популяризатор древней истории Южного Урала Николай Борисович Виноградов.

Альбом фотографий с комментариями Николая Борисовича об археологических исследованиях укрепленного поселения и нескольких групп погребений Синташтинского могильника в 1974–1975 годах — важный источник изучения повседневности археологических экспедиций почти пятидесятилетней давности. Именно в этих экспедициях произошли важные встречи автора с известными уральскими археологами. Прежде всего это один из выдающихся уральских археологов Владимир Федорович Генинг. Он и определил научную перспективу молодого археолога на ближайшие... полвека.

В альбом вошли фотографии самого процесса раскопок и артефактов в цифровом варианте, что делает их полезными и доступными для исследователей. Некоторые сюжеты опубликованы впервые. Включение в альбом образного ряда предметов из Синташтинского могильника — способ публикации предметов из собрания Государственного исторического музея Южного Урала, фонды и экспозицию которого они ныне украшают. В издание включена и видеозапись 1976 года о камеральной обработке материалов, которая является редким источником.

Жанровые фотографии Наташи Балдиной (ныне Натальи Георгиевны Бобрик) посвящены как студентам-историкам, для которых археологическая практика — яркое, запоминающееся впечатление о студенческой жизни, так и маститым ученым. Уникальная подборка жанровых полевых фотографий Владимира Федоровича Генинга — украшение альбома.

*Директор Государственного исторического музея Южного Урала
В. И. Богдановский*

ВВЕДЕНИЕ С НЕОБХОДИМЫМИ ПОЯСНЕНИЯМИ

Альбом фотографий «Синташта. Путешествие во времена сновидений» необычен уже по названию. По одной из топонимических версий, название реки («Сынтасты» — русифицированное «Синташта») переводится как «Могильная (река)». «Сынтас» — надмогильный камень (из казахского языка), если буквально. С другой стороны, историки знают, что формулу «времена сновидений» употребляли аборигены Австралии, когда речь заходила о мифологическом прошлом.

В нашем случае листаемый вами альбом фотографий отправляет зрителей всего-то... на полвека назад, в 1974–1975 годы. «В памяти очей» авторов уже эта даль и есть «время сновидений». Так, видимо, было угодно Слепому Случаю, что лишь через полвека, когда «иных уж нет, а те далече...», авторы — Николай Борисович Виноградов и Наталья Георгиевна Бобрик (в описываемые времена еще Наташа Балдина) — решили обнародовать в отдельном издании часть своих фотоснимков, созданных во время исследования легендарного, а ныне всемирно известного комплекса памятников археологии на реке Синташте в Брединском районе Челябинской области, недалеко от границы с Республикой Казахстан (рис. 1). Также авторы сочли целесообразным использовать в этом альбоме фотографии артефактов с раскопок Малого грунтового могильника (С II) экспедицией ЧГПИ в 1975 году, сделанные уже в наши дни Ольгой Григорьевной Ивановой, художником-фотографом отдела реставрации Государственного исторического музея Южного Урала. Таким образом, публикуемая выборка снимков иллюстрирует процесс и результаты раскопок лишь двух объектов Синташтинского могильника. Речь идет о Большом грунтовом могильнике (СМ) и Малом грунтовом могильнике (С II), исследованных в 1974–1975 годах. Несколько снимков объектов и артефактов с площадки укрепленного поселения Синташта I были сделаны Н. Б. Виноградовым «по пути» и «по случаю».

Просим также учесть, что речь идет в основном лишь об авторских фотоснимках, сделанных в 1974–1975 годах, сохранившихся в архиве Н. Б. Виноградова через полвека. В комплектовании подборки было использовано несколько снимков студента историко-педагогического факультета ЧГПИ (и слушателя отделения фотодела факультета общественных профессий) Игоря Бузуева, проходившего полевую учебную археологическую практику в составе группы историков из ЧГПИ летом 1973 года.

Какие причины заставили авторов взяться за реализацию этого проекта? Большая часть предлагаемых к публикации сугубо научных фотографий, отражающих процесс исследования памятников Синташтинского археологического комплекса в обозначенные сезоны раскопок, уже была опубликована в единственной кол-

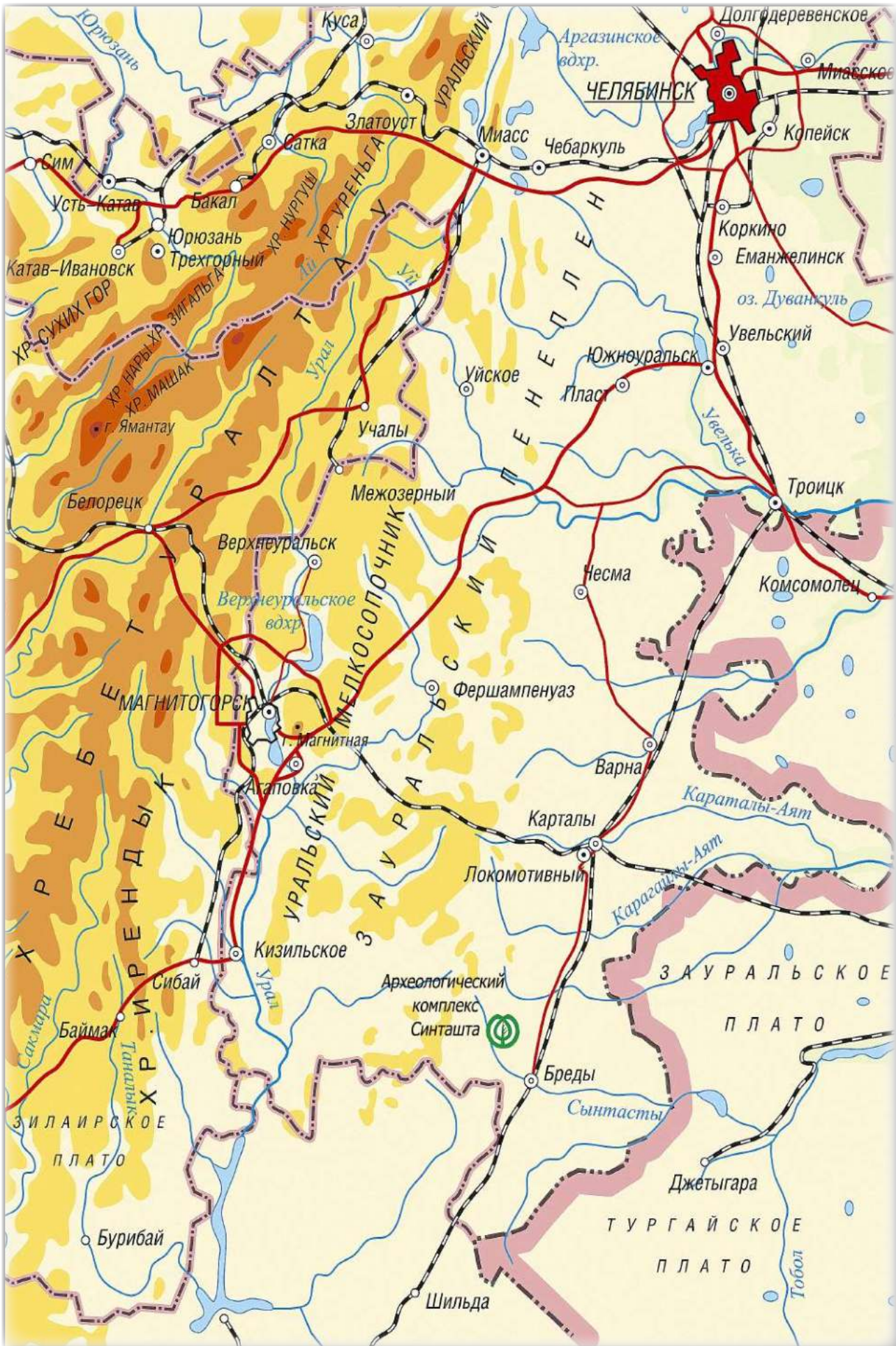

Рис. 1. Синташта на карте Южного Зауралья. Издательство «Абрис». 2023 г.

лективной монографии по Синташтинскому комплексу памятников археологии. Все объясняется до обидного просто. Качество полиграфии издания 1992 года было настолько посредственным, что целесообразность возвращения к этому образному ряду сомнения ни у кого не вызывала. Особенно в условиях растущей в научной среде разнообразной потребности в этой источниковой базе.

Было решено создать альбом фотоснимков на цифровой основе с расчетом на то, что публикуемые снимки должны быть пригодны для разнообразного активного и качественного использования коллегами. Авторы взялись за реализацию этого проекта по нескольким соображениям:

1. Они рассматривают научную фотофиксацию в археологии как вполне самостоятельную информационную базу. По их мнению, фотоснимки объективируют и дополняют информацию о памятнике, его материальном мире, и уже поэтому достойны отдельного внимания.

2. Помещенные в альбом жанровые снимки сняты студенткой и преподавателем Челябинского государственного педагогического института. Поэтому, несмотря на присутствие в экспедиции студентов, преподавателей из Воронежа, Свердловска (1974), вполне естественно, что объектами жанровых съемок стали преимущественно персонажи челябинской ветви исследователей этого замечательного созвездия археологических памятников — студенты-историки из ЧГПИ. Публикация жанровых фотоотражений студенческого «крыла» экспедиционной жизни — своеобразная дань памяти людям, руками и трудами которых было сделано одно из самых ярких открытий в мировой археологии тех лет. С другой стороны, именно в этой коллекции сохранились бесценные, спустя полвека, «полевые» жанровые фотопортреты одного из блистательных археологов Урала XX века — Владимира Федоровича Генинга. Авторы посвящают это издание его светлой памяти.

* * *

Авторы альбома считают своим долгом высказать признательность за поддержку этого, надеемся, полезного не только для коллег проекта — сотрудникам Государственного исторического музея Южного Урала: Зое Андреевне Валиахметовой, Ирине Юрьевне Банниковой и Стефании Вячеславовне Докучаевой. Мы также благодарны за участие археологу к. и. н. Владимиру Владимировичу Генингу, д. п. н. Гульсине Якуповне Гревцевой и издательству «Абрис». Отдельная признательность — Наталье Николаевне Пашковой за непосредственную работу по улучшению качества издания.

* * *

В те безмерно далекие годы двадцатичетырехлетний Николай Борисович Виноградов после окончания пединститута и службы в армии преподавал студентам основы фотодела, будучи ассистентом кафедры общетехнических дисциплин ЧГПИ, и параллельно читал археологию студентам первого курса историко-педагогического факультета (рис. 2). Студентка Наташа Балдина обучалась на историко-педагогическом факультете и увлекалась фотографией (рис. 3).

Все опубликованные в этом альбоме сугубо археологические и частично жанровые снимки созданы Н. Б. Виноградовым. Наташа Балдина была автором большинства жанровых фотографий — этого неповторимого контекста любой археологической экспедиции.

Николай Виноградов -
преподаватель
фотодела кафедры
общетехнических
дисциплин
ЧГПИ в 1974 году и
ассистент кафедры
истории СССР в 1975 году

Рис. 2. Автор альбома Николай Виноградов. Синташтинский могильник. Раскопки Малого
грунтового могильника (С II). 1975 г. Фото Н. Балдиной

Наташа Балдина -
студентка историко-педагогического факультета ЧГПИ

Она - автор большинства
жанровых снимков в этом
альбоме.

Рис. 3. Автор альбома Наташа Балдина. Синташтинский могильник. Раскопки Малого
грунтового могильника (С II). 1975 г. Автор снимка неизвестен

Иванова Ольга Григорьевна.
Художник-фотограф отдела
реставрации Государственного
исторического музея Южного Урала

Рис. 4. Автор альбома Ольга Иванова —
художник-фотограф отдела реставрации
Государственного исторического музея
Южного Урала. Фото В. Жирохова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СИНТАШТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Появление на крайнем юге Челябинской области разведочных групп Уральской археологической экспедиции, созданной при УрГУ (Свердловск) Владимиром Федоровичем Генингом (рис. 5), — частный случай амбициозной мегапрограммы отслеживания археологами УрГУ всех более или менее крупных строительных проектов в Уральском и Западносибирском регионах на предмет выявления на площадках строительства памятников археологии и их последующего исследования на хоздоговорной основе. Одним из таких объектов было и Брединское водохранилище на реке Синташте между поселками Мирный и Рымникский. В ходе обследования ложа будущего водохранилища в конце 1960-х — начале 1970-х годов свердловскими археологами были обнаружены и изучены десятки памятников археологии. Часть их (например, некоторые стоянки каменного века, поселения бронзового века в окрестностях поселка Мирного) были в разной степени исследованы стационарными раскопками (рис. 6). В задачи авторов не входит подробное обозрение истории открытия и изучения археологических памятников Синташтинского комплекса. Скажем лишь, что пройти мимо него для археолога было затруднительно, поскольку венчала этот ансамбль грандиозная насыпь кургана, который авторы монографии 1992 года поименовали Большим Синташтинским (СБ), а местные жители его знали как «курган Шишка».

Начало изучению Синташтинского культурного комплекса положила тогда начинающий археолог, а ныне доктор исторических наук Людмила Николаевна Корякова (рис. 7). Именно она заложила в 1971 году первые траншеи на впадинах у насыпи Большого Синташтинского кургана.

Рис. 5. Археолог Владимир Федорович Генинг в кабинете археологии УрГУ. Свердловск. 1974 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 6. Раскопки отрядом УАЭ поселения бронзового века у пос. Мирный на р. Синташте
в начале 1970-х годов. Автор снимка неизвестен

Рис. 7. Археолог Людмила Николаевна Корякова. Синташтинский семинар. Челябинск, 2005 г. Фото Н. Виноградова

В обрыве берега старицы реки Сынтасты во время визуального обследования был обнаружен мощный поселенческий культурный слой. Археолог Тамара Николаевна Чебакова (рис. 8) в 1972 году заложила здесь небольшой раскоп, положив таким образом начало исследованию поселения бронзового века Рымникского II (по названию расположенного неподалеку казачьего поселка). Позднее оно войдет в историю археологии как «укрепленное поселение бронзового века Синташта I» (СП — по версии авторов монографии 1992 года). Тамара Николаевна Чебакова продолжила работы на поселении и в 1973 году.

В 1974 году раскопки Рымникского II (современное название — укрепленное поселение Синташта I) Владимир Федорович доверил приехавшему из Воронежа археологу Анатолию Дмитриевичу Пряхину. И совершенно не случайно. Синташтинское поселение оказалось многослойным. Самый ранний слой обживания этой площадки был оставлен населением с керамикой, весьма близкой абашевской культуре, изучением которой тогда плотно занимался Анатолий Дмитриевич. И неслучайно в самых первых публикациях авторы раскопок связывали начальный этап истории поселения Синташтинское I именно с абашевской культурой Южного Урала. Это уже позднее был осмыслен особый статус подобных памятников как памятников синташтинского типа, или памятников синташтинской культуры.

Археолог Владимир Иванович Стефанов (рис. 9) в 1972 году раскопал курган, обозначенный в известной монографии как «курган С III». Сам руководитель Уральской археологической экспедиции Владимир Федорович Генинг в том же

Рис. 8. Археолог Тамара Николаевна Чебакова. Всесоюзное археологическое совещание. Переяслав-Хмельницкий, апрель 1975 г.
Фото Н. Виноградова

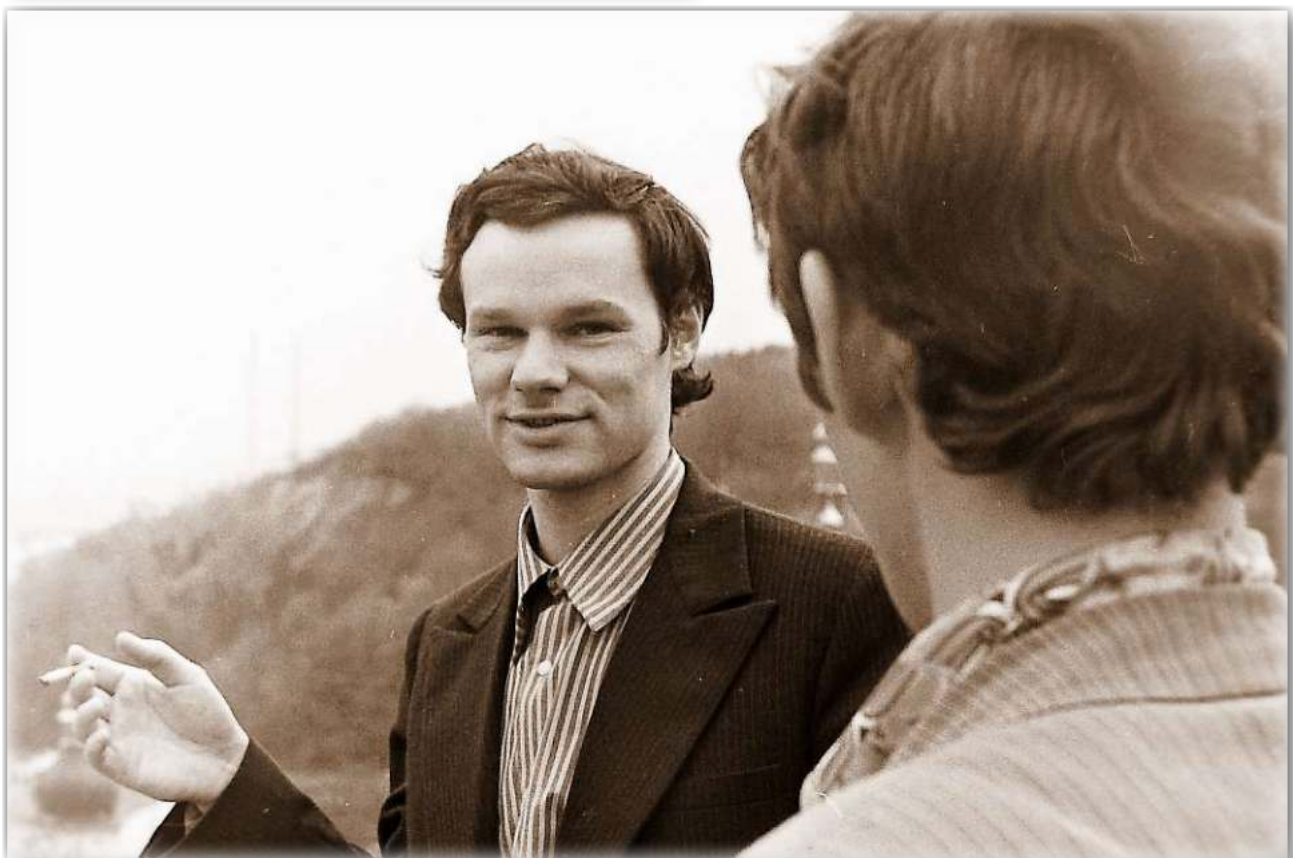

Рис. 9. Археологи Владимир Иванович Стефанов и Михаил Федорович Обыденнов. Всесоюзное археологическое совещание. Киев, апрель 1975 г. *Фото Н. Виноградова*

году приступил к изучению Большого Синташтинского кургана (СБ). Видимо, именно тогда у южной полы Большого Синташтинского кургана в процессе работы мощных скреперов были обнаружены обширные участки прокаленного глинистого грунта и сажистые пятна. Так, скорее всего, и была открыта основная группа погребений из 40 могил, получившая в монографии 1992 года название «Большой грунтовый могильник» (СМ). В действительности его насыпи были в значительной степени нивелированы, вероятнее всего, при сооружении Большого кургана. Во всяком случае в литературе известна полемика в научной среде по поводу грунтового статуса этой части могильника. К его исследованию летом 1973 года приступила археолог Лидия Ивановна Ашихмина (рис. 10), изучившая тогда здесь несколько могильных ям (ямы 1–3). Основные работы на Большом грунтовом могильнике (СМ) были выполнены в следующем, 1974 году под руководством Владимира Федоровича Генинга.

Далее авторское повествование будет вестись от имени Николая Борисовича Виноградова.

* * *

Для меня история эта началась неожиданно, в 1973 году. После демобилизации из армии после срочной службы я всерьез озабочился поисками археологического сообщества, в составе которого мог бы продолжить свои «археологические университеты». Оптимальным тогда представлялся вариант сотрудничества с образованной учеником О. Н. Бадера, известным археологом В. Ф. Генингом,

Рис. 10. Синташтинский могильник (СМ). Археолог Лидия Ивановна Ашихмина проводит беседу по итогам раскопок с практикантами-историками из ЧГПИ. Июль 1973 г. Фото И. Бузуева

в начале 1960-х годов Уральской археологической экспедицией (УрГУ). Зимой 1973/1974 годов я нашел возможность лично представиться Владимиру Федоровичу. Познакомился и с молодыми коллегами — Володей Стефановым, Юрой Чемякиным, и, конечно, с уже матерым археологом Валерием Трофимовичем Петриным (рис. 11) — исследователем древних наскальных рисунков Урала, а позднее — доктором исторических наук, заметной фигурой среди сибирских археологов — исследователей каменного века Центральной Азии.

Стоит заметить, что «Трофимыч» (как его звали за глаза), несомненно, обладал харизмой, что сильно отличало его от всех остальных. Была в нем какая-то цельность, основательность, а в действиях — продуманность. Именно он ввел в практику зимние поездки к писаницам, особенно к недоступным без водного транспорта летом. Он был «мотором» поиска и изучения наскальных изображений Урала, безусловным центром притяжения, к которому тянулась молодежь. И в то же время было в нем что-то от дворовой вольницы. Валерий Трофимович как-то негласно взял надо мной шефство. Позднее, уже после начала его работ в Игнатиевской пещере, он пригласил меня со студентами-археологами из ЧГПИ на экскурсию к палеолитическим рисункам. Был октябрь 1985 года. Помнятся незабываемые ощущения, когда я пытался, проснувшись ночью, отодрать от полога палатки свою примерзшую одежду. Не в силах побороть ночной холод, я вынужден был покинуть палатку и до утра греться у костра, подкидывая в него

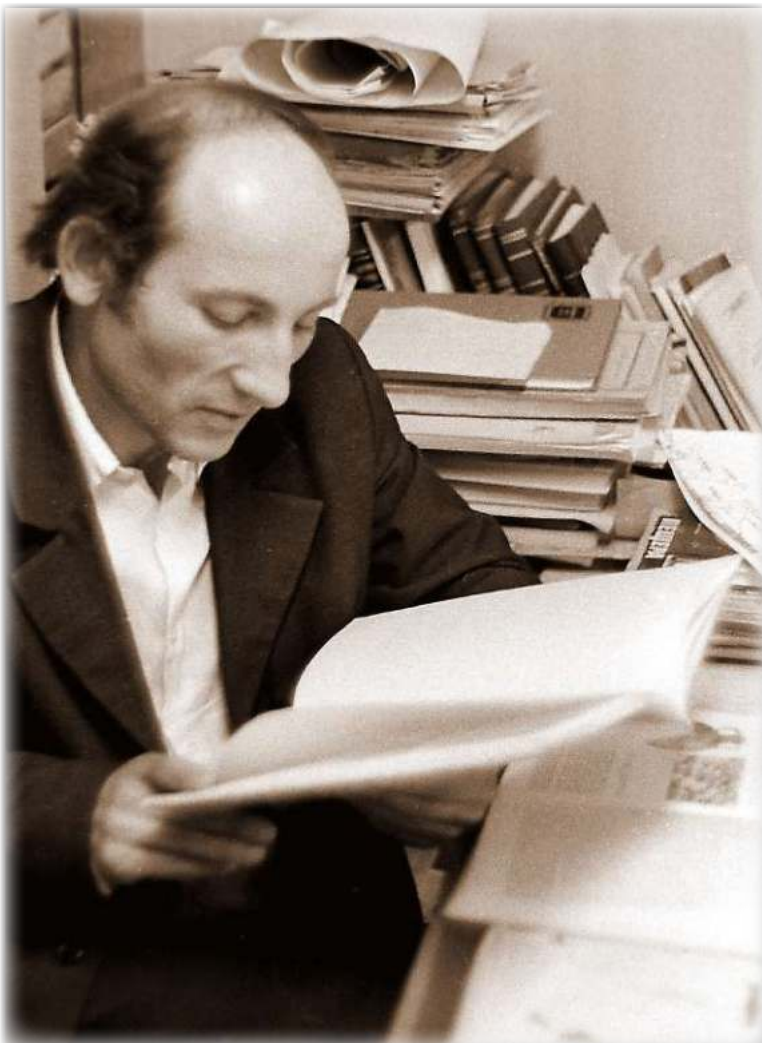

Рис. 11. Археолог Валерий Трофимович Петрин. Археологическая лаборатория УрГУ. Свердловск, декабрь 1973 г.
Фото Н. Виноградова

смолистые корни и сучья. В результате неистребимого задымления я приобрел временно внешнюю схожесть с обитателями знойной Африки.

А тогда, весной 1974-го, именно Валерий Трофимович пригласил меня в Западную Сибирь летом того же года на раскопки палеолитической стоянки Могочино. Как-то об этом стало известно В. Ф. Генингу, и он сказал как отрезал: «Виноградов со студентами поедет на Синташту!» Так мимоходом была решена моя археологическая перспектива... на предстоящие полвека.

* * *

Начиная с 1973 по 1976 год включительно студенты-историки из ЧГПИ проходили учебную полевую археологическую практику на раскопках памятников Синташтинского микрорайона. И неслучайно именно 1974 год взят за начальную точку отсчета истории археологической лаборатории ЧГПИ. «Синташтинский проект» с легкой руки В. Ф. Генинга стал первым исследовательским полевым опытом только что образованной нашей лаборатории как научного коллектива. Судьба в образе Владимира Федоровича Генинга, одного из моих учителей, подарила мне возможность личного участия в исследовании Синташтинского поселения и могильника в течение трех полевых сезонов — в летние периоды 1974–1976 годов.

Помимо руководства учебной полевой практикой моих студентов на Синташте я выполнял (на общественных началах, за свой счет) функции экспедиционного фотографа. Родная фотолаборатория ЧГПИ снабдила меня не только добрыми пожеланиями, но и великолепным широкоплечным немецким фотоаппаратом Pentakon, панорамным «Горизонтом». Из прочего имелись два «Зенита» с параллельной фиксацией объектов съемки на черно-белую и цветную обрабатываемую фотопленку Orwochrom (рис. 12, 13).

Рис. 12. Николай Борисович Виноградов. Синташта. Раскопки Малого грунтового могильника (С II). Фотофиксация. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 13. Николай Борисович Виноградов. Синташта. Раскопки Малого грунтового могильника (С II). Фотофиксация остатков на полу погребальной камеры в яме 7. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Из этой части спектра событий 1974 года не могу не упомянуть об эпизоде с аэрофотосъемкой. Каким-то образом археологам удалось договориться о возможности использования для этих целей... пассажирского Ан-2. То было действительно «время сновидений», когда из Бредов в крупные совхозы района (!) можно было... долететь на легендарном «кукурузнике» — Ан-2. В моем случае самолет летел из Бредов в Калининское. В небольшом салоне около десятка пассажиров. Условия — условно комфортные. Но неудобства с лихвой компенсировались быстротой перемещения в пространстве. Меня определили в кабину, на место второго пилота, рядом с чудесной форточкой. Отодвинув ее, я мог без погрешностей стекла делать снимки. Пикантность ситуации заключалась в том, что для съемки поверхности земли самолет необходимо было наклонить в мою сторону, чему вряд ли будут рукоплескать пассажиры. Мы кружили над местом раскопок, и я провел как минимум три сеанса «репортажной» съемки своими двумя «Зенитами» с черно-белой и цветной пленкой. В монографии 1992 года с результатами раскопок Синташтинского поселения и могильника вы можете увидеть мои аэрофотоснимки (рис. 14, 15). Жаль, конечно, что авторство фотографий в научных монографиях и сейчас указывают далеко не все. А тем более подробности съемки. И если бы не эти строки, вряд ли кто-нибудь вам рассказал о том «волшебном» получасе, который я провалялся у самолетного колеса в Калининском после съемки и приземления, с непередаваемыми ощущениями в желудке и горле. Об эмоциях пассажиров, озвученных ими во время полета и после него, вслух в приличном обществе и не скажешь...

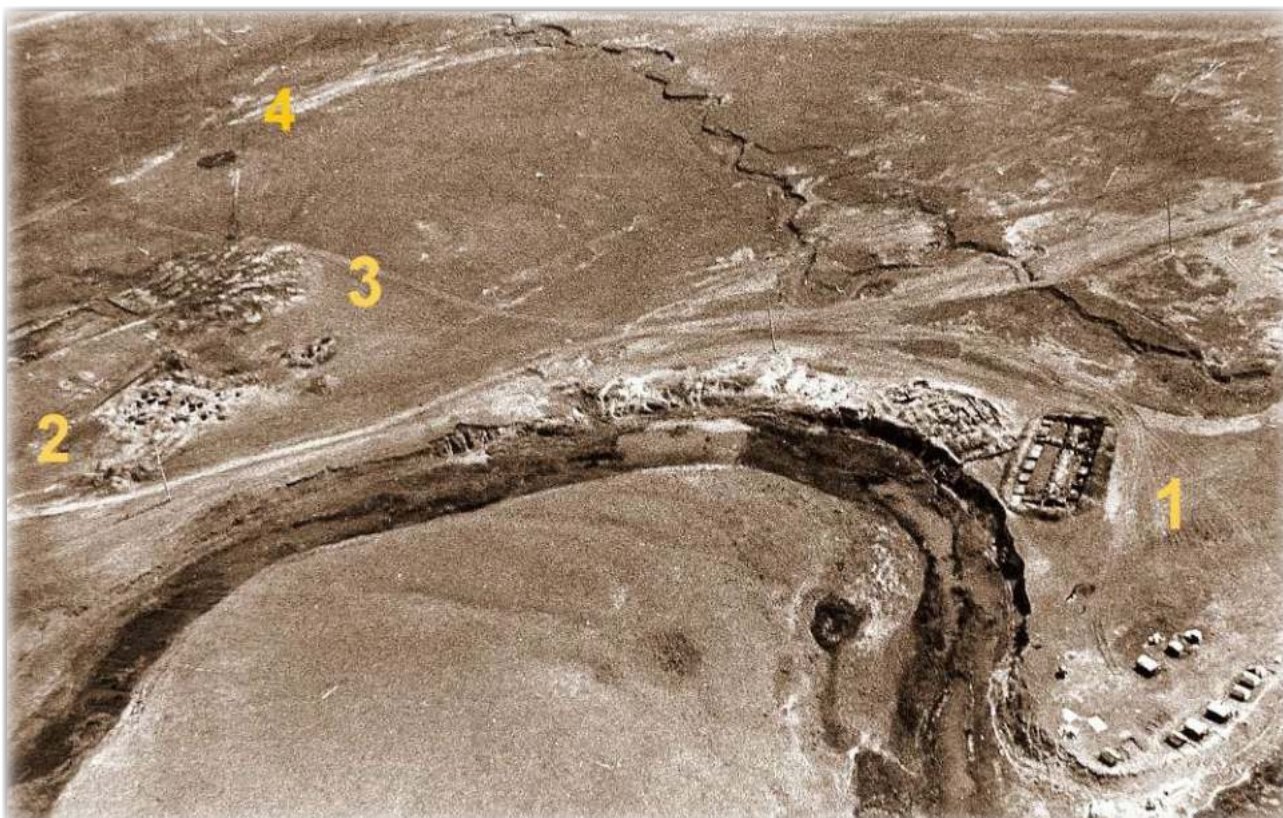

Рис. 14. Синташтинский комплекс памятников археологии. Локализация объектов. Аэрофотоснимок:
1 — укрепленное поселение Синташта I (СП); 2 — Большой грунтовый могильник (СМ);
3 — Большой Синташтинский курган (СВ); 4 — «китайский домик». 1974 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 15. Синташтинский комплекс памятников археологии. Укрепленное поселение Синташта I (СП).
Аэрофотоснимок. 1974 г. Фото Н. Виноградова

В моем архиве сохранились редкие фотоснимки наших сборов на раскопки Синташтинского могильника летом 1975 года (рис. 16). Лаборатории в общежитии по Энтузиастов, 13/2, в эти годы еще не существовало. Весь наш «простор» — и музей, и фонды — располагался в переходе между главным корпусом и новым тогда корпусом физмата, на четвертом этаже. Там же располагался и склад имущества. Готовились мы обстоятельно. Не только оберточная бумага в рулоне, разнообразная посуда, раскладушки, но даже мой велосипед поехал «в поле». Собирали машину в экспедиционную дорогу сами студенты: Саша Пастернак, Коля Меньшенин, Нина Шкрябун, Женя Штейнмец... Мы собирались на Синташту, к Владимиру Федоровичу Генингу. Мы еще не знали, какие чудные встречи нас ждут под невзрачным возвышением, получившим впоследствии у авторов монографии 1992 года название «С II» (Малый грунтовый могильник).

В. Ф. Генинг летом 1975 года прилетел на Синташту уже из Киева, куда он переместился на должность заместителя директора Института археологии АН УССР. Учителем он был строгим, но справедливым. Я мог получить от него и заслуженное гневное порицание: «Мальчик в коротких штанишках!», и мудрое: «Семь раз отмерь — и... не отрезай!» Я с головой окунулся в работу и полевого археолога, и фотографа...

Сдавать отчет по итогам раскопок кургана С II в 1975 году я полетел в Киев. Как сейчас помню, поместили меня на жительство в гостиницу «Пектораль» с огромным рельефным воспроизведением на стене зала этого уникального золотого нагрудного украшения — символа власти, извлеченного в начале 1970-х годов археологом Борисом Николаевичем Мозолевским из скифского кургана «Толстая могила».

В 1976 году Владимир Федорович определил «присматривать» за экспедицией на Синташте археолога Валерия Валентиновича Евдокимова — своего ученика,

Рис. 16. Погрузка экспедиционной машины в начале июля 1975 г. Слева направо: Саша Пастернак, Коля Меньшенин, Женя Штейнмец. Фото Н. Виноградова

«пустившего корни» в Кустанае (рис. 17). Копали мы в то лето укрепленное поселение Синташта I, а также раскопками определили границы основного скопления могил Синташтинского могильника, названного авторами монографии 1992 года «Большим грунтовым могильником». Мы с Владимиром Петровичем Костюковым трудились не покладая рук. Раскопом 1976 года на поселении нами была выявлена не только часть внутренней планировки памятника, но и протяженный отрезок обводного рва, окружавшего поселение.

Работа с коллекциями с раскопок Синташтинского укрепленного поселения и могильника продолжалась и после завершения полевого сезона. Так, поздней

Рис. 17. Археологи (слева направо) Николай Борисович Виноградов, Валерий Валентинович Евдокимов и Владимир Иванович Стефанов. Всесоюзное археологическое совещание. Киев, апрель 1975 г. Фото из архива Н. Б. Виноградова

осенью 1974 года я с помощью Коли Варанкина на ступенях запасного входа в главный корпус УрГУ отснял коллекцию находок с раскопок Синташтинского могильника (рис. 18).

А осенью — зимой 1975 года камеральная обработка коллекции с раскопок кургана С II стала серьезным испытанием для лабораторцев в ЧГПИ. Полученные на раскопках материалы необходимо было подготовить к обработке (собрать из фрагментов керамические сосуды), отрисовать, сфотографировать, описать. Знаменитую вазу из погребения 7 кургана Синташта II Люда Гагарина рисовала... две недели. Рисовала и... плакала. Кто видел в монографии 1992 года этот орнаментальный и семантический ребус — поймет без слов и посочувствует...

Авторы альбома предлагают вниманию читателей небольшой видеосюжет о работе археологов ЧГПИ с коллекцией артефактов из раскопок Синташтинского могильника в 1975 году, снятый оператором областного телевидения в далеком 1976 году. Его можно найти по ссылке <https://disk.yandex.ru/i/WsgnumtlZrea5Q> Коллеги также могут найти для своих надобностей сугубо археологическую часть альбома в формате JPG по ссылке <https://disk.yandex.ru/d/pgMwKuQeHNDYJpA>

Жаль, конечно, что не до конца был реализован, да и никогда уже и не будет реализован, издательский проект, связанный с Синташтинским комплексом памятников археологии.

И в наши дни если археологи решают вскрывать культурный слой памятника археологии, это делают подготовленные люди. Лишь формально они могут быть определены как землекопы, а их «вооружение» составляют лопаты, ножи,

Рис. 18. Мы с Колей Варанкиным снимаем материалы, полученные в ходе раскопок Синташтинского могильника в 1974 году, на ступенях запасного выхода УрГУ. Свердловск, осень 1974 г.

Фото Н. Виноградова

кисточки и совки. На самом деле, раскопки — достаточно сложный процесс. Они ежеминутно требуют от участника как теоретической осведомленности, так и неукоснительного соблюдения сложных методических правил. В помощь практикантам — знания по археологии, приобретенные в учебном году. Выборка культурного слоя — исследование прошлого, а не механическое удаление грунта. Вот конкретный пример. Выбирая пятно заполнения древней могилы, исследователи аккуратно обрушивают заполнение непосредственно у ее стен. И, о чудо, в стенах ямы обнаруживаются вертикально ориентированные желобки — следы деревянных клиньев, которые древние строители гробниц, копая яму, вбивали рядами, отваливая пласты материка (рис. 19). Много лет в вузах страны практикантов-первокурсников исторических факультетов предварительно готовят к ответственной работе, каковой являются полевые археологические исследования. Из членов археологических кружков формируется и готовится еще в городе штат помощников археологов, обрабатывающих находки в полевой камеральной лаборатории (рис. 20), умеющих обращаться с нивелиром и при необходимости определить глубину нахождения того или иного объекта, высоту поверхности, замерить с помощью реек точку нахождения того или иного артефакта (рис. 21).

В контексте работы нашего отряда на Синташте началась научная карьера археологов Николая Михайловича Меньшенина (рис. 22) и Владимира Петровича Костюкова. Но в абсолютном большинстве кружковцы все-таки становились после окончания вуза учителями истории в школах, как, например, Таня Кислюк (рис. 23), которую я через много лет встретил среди учителей города Снежинска.

Рис. 19. Синташтинский могильник (СМ). Вертикальные желобки — следы древних землекопных орудий на стенках могильной ямы. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 20. Синташтинский могильник (С II). Студентка Тая Артемьева с нивелиром. 1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 21. Синташтинский могильник (С II). Студентка Валя Пигалева отмечает находки на плане. 1975 г. Фото Н. Виноградова

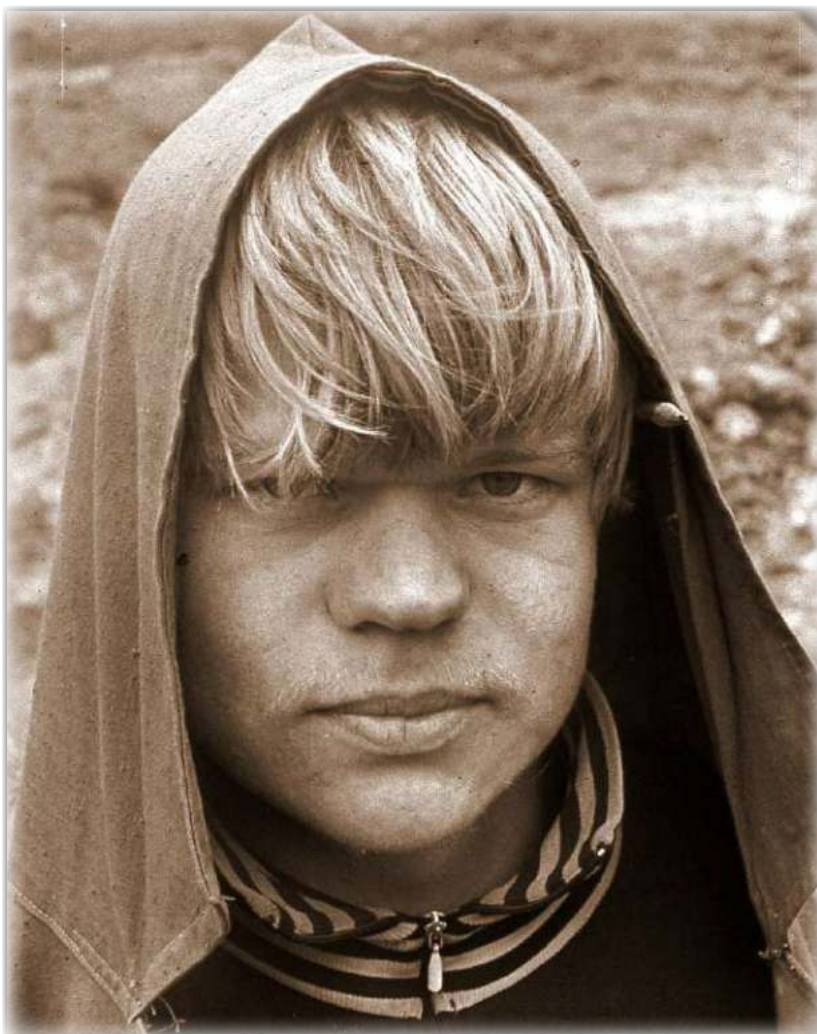

Рис. 22. Синташтинский могильник. Студент-археолог Николай Меньшенин. 1975 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 23. Синташтинский могильник. Студентка Тая Кислюк из археологического кружка ЧГПИ. 1975 г.
Фото Н. Виноградова

Да и один из авторов альбома, Наталья Георгиевна Бобрик (Балдина), трудится учителем в школе поселка Октябрьский под Копейском.

Взыскательные коллеги должны учесть, что я описываю методические процедуры применительно лишь к тем далеким временам, о которых идет речь в альбоме. Безусловно, тогда основная работа на раскопках была и «лопатной», и земляной. Поэтому эпические снимки Наташи Балдиной в значительной степени воспевают... лопату и ювелирное владение ею (рис. 24–29).

Если в сезоне 1974 года, когда на Синташте помимо В. Ф. Генинга работал приглашенный им археолог из Воронежа А. Д. Пряхин, нужды во мне как полевом археологе не случилось, то на следующий год (1975) все пошло «с точностью до наоборот» (рис. 30–31). Сезон раскопок Синташты в 1975-м, как, впрочем, и в 1976 году, полностью обеспечивал и организовывал ЧГПИ.

На Синташте я впервые мог наблюдать Владимира Федоровича Генинга «в поле» вблизи. На раскопе он был вполне себе полевым археологом, участвовал непосредственно в процессе раскопок (рис. 32, 33, 34). Меня подкупало его отношение к студентам, проходившим археологическую практику в составе его экспедиции. Обязательным элементом работы для Владимира Федоровича были как обзорные экскурсии для практикантов по объектам исследования (рис. 35), так и удивительные его беседы на конкретных памятниках. Особенно в памяти сохранился его рассказ о дальневосточной системе отопления «кан», которую в 1974 году раскопал наш отряд, исследуя небольшое строение недалеко от Большого Синташтинского кургана (рис. 36). Оно тогда было условно прозвано «китайским домиком». Удостоился отдельного разговора и оборонительный ров вокруг поселения (рис. 37). Здоровье уже не позволяло Владимиру Федоровичу жить в полевом лагере, и каждый вечер мы отправляли его на попутной машине или автобусе в гостиницу в Бреды. На всю оставшуюся жизнь сохраняю я память о неспешных прогулках с ним по берегу Синташты (рис. 38).

Учебная полевая археологическая практика по окончании первого курса обучения — одно из самых ярких воспоминаний студенческих лет историков. Было все — и каждодневное прикосновение к древним тайнам (рис. 39), и мастер-классы маститых археологов, таких как В. Ф. Генинг (рис. 40), и откровенное, почти детское баловство (рис. 41). Ряд элементов организации археологической экспедиции вечен. На первом месте — обязательное наличие автотранспорта (рис. 42) и, конечно, кухня при всей ее внешней непритязательности (рис. 43). Завтраки, обеды и ужины — моменты невиданного единения и демонстрации коллективизма (рис. 44–45). Еще — в экспедиции немедленно начинаешь ценить простые радости. Например, возможность окунуться в прохладную воду после трудового дня или сыграть партию в шахматы при стечении болельщиков (рис. 46). Пока у практикантов перерыв, на раскопе — ажиотаж разнообразной фиксации (графической, фотографической) (рис. 47).

Выше уже упоминалось, что работы на этом комплексе памятников велись в интересах не только науки и культуры, но и треста «Водоканал», который и финансировал работы археологов и требовал их скорейшего завершения для продолжения строительства собственно водохранилища. Объекты археологического

Рис. 24. Традиционный символ археологии — лопата. Фото Н. Балдиной

Рис. 25. Синташтинский могильник. У практикантов перерыв и... фотосессия. Слева направо: Наташа Синельникова, Таня Новикова, Надя Мясникова, Люба Башлыкова, Таня Ремеслова, Света Захарцева, Нина Шкрябун, Таня Кислюк, Люба Шилкова, Валя Пигалева, Юра Бусаров и Володя Караковский. 1975 г. Автор снимка не установлен

Рис. 26. Синташтинский могильник. Практикантка Гульсина Галлямова. 1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 27. Синташтинский могильник (С II). Практиканты зачищают борта раскопа. Слева направо: Г. Гревцев, Г. Галлямова, Т. Рогожникова, Т. Потапова, Л. Коновалова, Н. Балтычева. 1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 28. Синташтинский могильник (С II). В. Ф. Генинг и Н. Б. Виноградов раскапывают возникшую «проблему». 1975 г. *Фото Н. Балдиной*

Рис. 29. Синташтинский могильник (С II). Практикант Г. Гревцев за работой. 1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 30. Синташтинский могильник (С II). Археолог Н. Б. Виноградов.
1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 31. Синташтинский могильник (С II). Археолог Н. Б. Виноградов. 1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 32. Синташтинский могильник (С II). Археолог В. Ф. Генинг расчищает остатки колчана стрел с каменными и бронзовыми наконечниками на полу погребальной камеры в яме 7. 1975 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 33. Синташтинский могильник (С II). Археолог В. Ф. Генинг на раскопе.
1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 34. Синташтинский могильник (С II). Археолог В. Ф. Генинг с сосудом из погребения в яме 1
и студенты-практиканты из ЧГПИ Ирина Долгополова, Вера Половинкина, Наташа Соломенина.
1975 г. Фото Е. Вахрушева

Рис. 35. В. Ф. Генинг проводит экскурсию по Большому Синташтинскому кургану (СБ) для студентов-практикантов из ЧГПИ. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 36. Синташта. В. Ф. Генинг проводит для практикантов экскурсию по раскопу «китайского домика» с дальневосточной системой отопления «кан». 1975 г. Фото Н. Балдиной

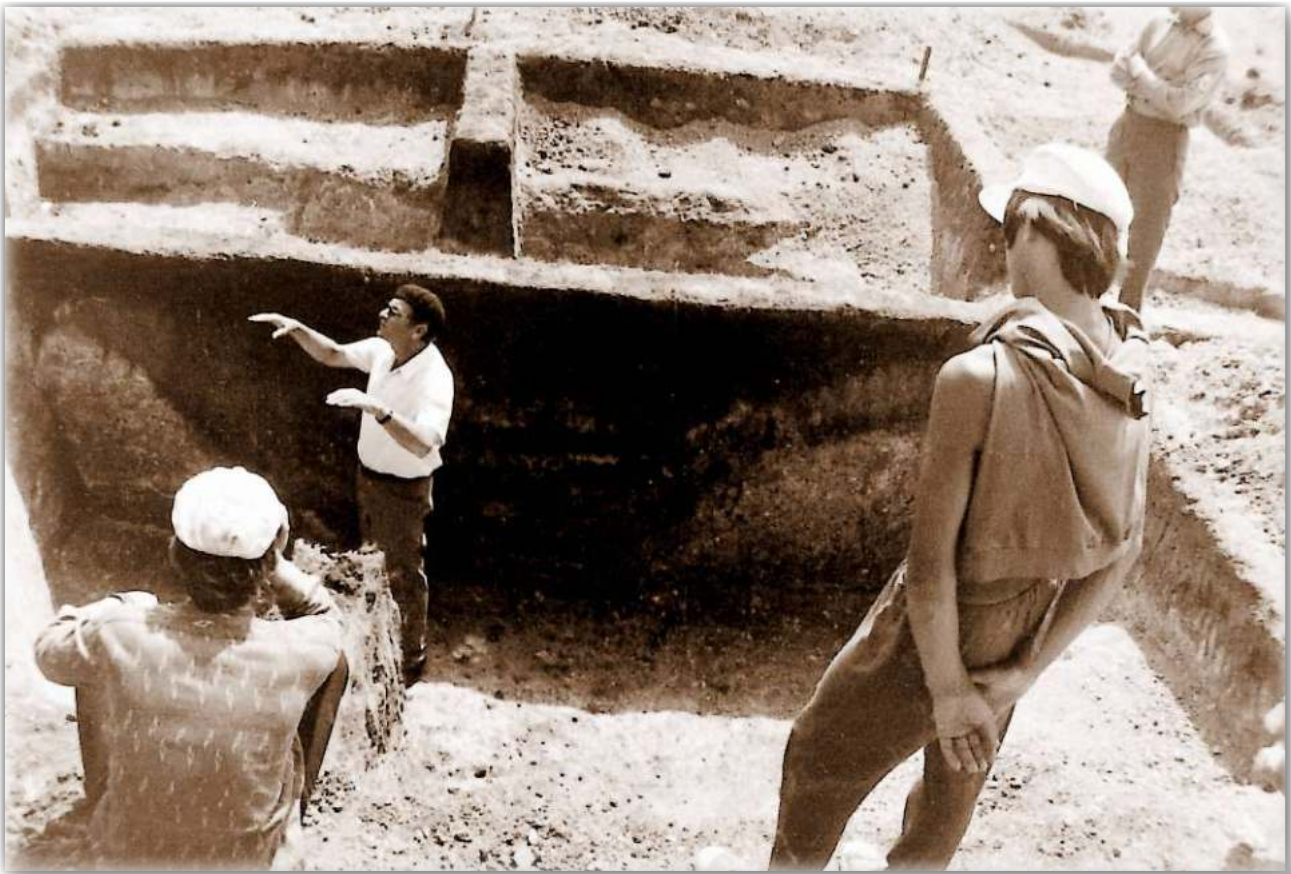

Рис. 37. Укрепленное поселение Синташта I (СП). В. Ф. Генинг рассказывает практикантам об оборонительном рве. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 38. Синташта. В. Ф. Генинг и Н. Б. Виноградов. 1975 г.
Фото Н. Балдиной

Рис. 39. Синташтинский могильник (С II). Практиканты Люда Разбойникова и Таня Меркулова за расчисткой артефакта в погребальной камере. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 40. Синташтинский могильник (С II). Погребение в яме 7. Группа находок в центральной части пола погребальной камеры: бронзовый наконечник копья, каменное навершие булавы, оселок. Мастер-класс по расчистке для практикантов дает сам В. Ф. Генинг. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 41. Синташтинский могильник (С II). Практикант Коля Меньшенин экспериментирует. Разборка бровки с помощью пилы-ножовки. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 42. Наличие собственного автотранспорта — неперемное условие гарантии безопасности археологической экспедиции. Водитель Гена Баранов и начинающий археолог Коля Варанкин у нашей «ласточки». 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 43. Синташта. «Сердце» экспедиции — ее кухня. Невидные, но чрезвычайно важные труды. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 44. Синташта. Столовая. Практиканты из УрГУ и археолог Л. М. Терехова. 1974 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 45. Синташта. Неожиданный ракурс съемки обеда практикантов, ставший возможным благодаря панорамной фотокамере «Горизонт». 1974 г. *Фото Н. Виноградова*

Рис. 46. Синташта. Свободное время отдано... шахматам. 1975 г.

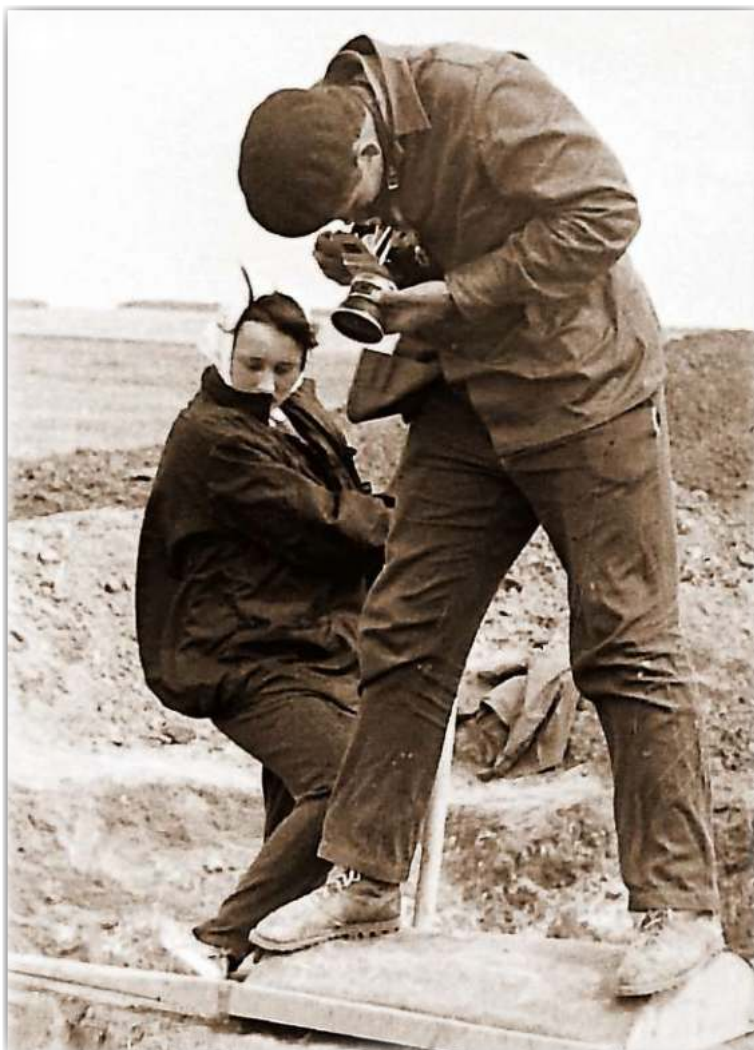

Рис. 47. Синташта (С II). За работой
Н. Б. Виноградов и практикантка
Г. Галлямова. 1975 г. Фото Н. Балдиной

комплекса расположены достаточно компактно (рис. 48). Неслучайно поэтому в 1974 году работы велись одновременно и на поселении (СП), и на Большом грунтовом могильнике (СМ), и на «китайском домике» (рис. 49). На аэрофотоснимке хорошо заметны различия методики команд исследователей. Часть из них предпочитала разбивать поселенческий раскоп с учетом сторон света. Другие археологи накладывали раскоп на котлованы построек, не заботясь об ориентировке его по сторонам горизонта (рис. 50). Подозреваю, что эта методическая разногласия сильно затруднила жизнь тому, кто пытался свести раскопы воедино.

1974 ГОД. УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА СИНТАШТА I

В сезоне 1974 года применение моих фотографических навыков в основном было связано с объектами Синташтинского могильника (Большого грунтового могильника, СМ). На поселении мимоходом я отснял развал небольшой печи купольного типа хрестоматийной сохранности (рис. 51). Через много лет в экспозиции археологического музея УрГУ в Свердловске увидел и отснял выставленные там керамические сопла из раскопок памятников археологии Синташтинского комплекса, в том числе из культурного слоя укрепленного поселения Синташта I (рис. 52).

Рис. 48. Площадка Синташтинского комплекса археологических памятников. Видны отвалы грунта из могил основной группы погребений (СМ). Вид с юга, через р. Сынтасты.

1974 г. Фото Н. Виноградова

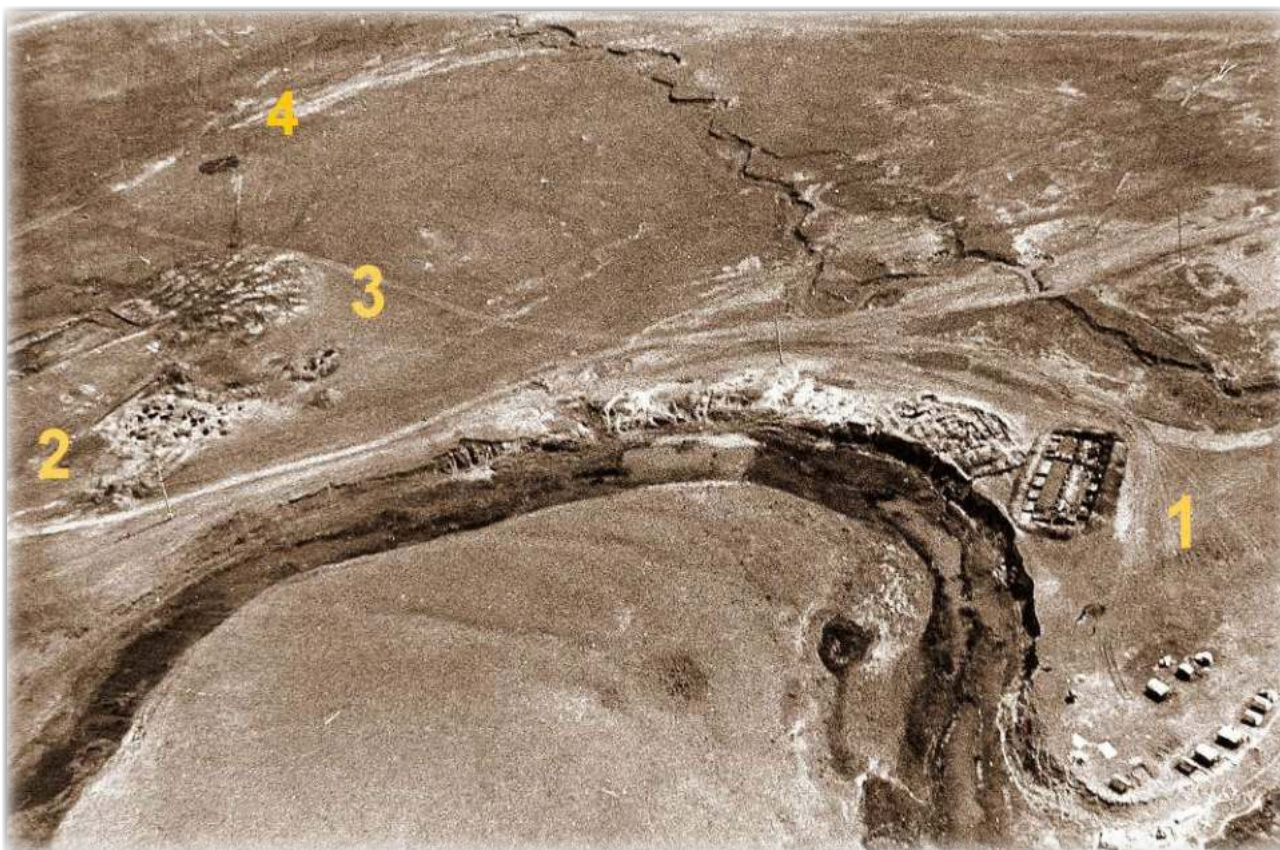

Рис. 49. Синташтинский микрорайон археологических памятников. Локализация объектов:
1 — укрепленное поселение Синташта I (СП); 2 — Большой грунтовый могильник (СМ);
3 — Большой Синташтинский курган (СБ); 4 — «китайский домик». Аэрофотоснимок.
1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 50. Синташтинский микрорайон археологических памятников. Укрепленное поселение Синташта I (СП). Аэрофотоснимок. 1974 г. Фото Н. Виноградова

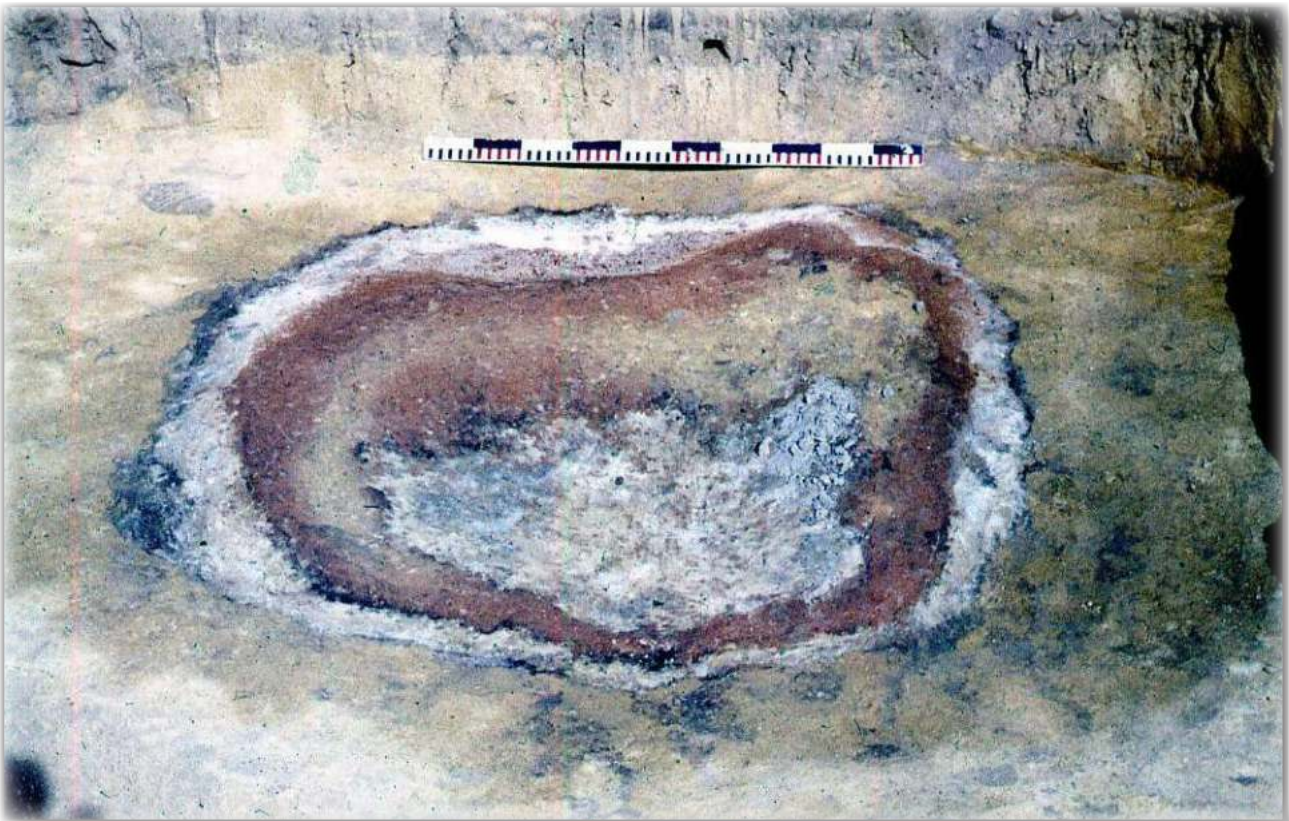

Рис. 51. Укрепленное поселение Синташта I (СП). Развал печи купольного типа. 1974 г.
 Фото Н. Виноградова

Рис. 52. Керамические сопла из раскопок укрепленного поселения Синташта I и Синташтинского могильника. Экспозиция археологического музея УрГУ. Екатеринбург. Фото Н. Виноградова

1974 ГОД. СИНТАШТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК (ПАМЯТНИК СМ — БОЛЬШОЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК)

Выше уже упоминалось, что во время работы тяжелой землеройной техники на насыпи Большого Синташтинского кургана в 1972 году у южной ее полы открылись обширные пятна прокаленного глинистого грунта и сажистые пятна. Так, по сути, случайно была открыта основная группа могил Синташтинского могильника (40 могил), получившая в монографии 1992 года название «Большой грунтовый могильник» (СМ). В действительности его надмогильные сооружения были в значительной степени нивелированы, вероятнее всего, еще в древности при сооружении Большого кургана. Во всяком случае, в литературе известна научная полемика по поводу грунтового статуса этой части могильника.

К его исследованию в 1973 году приступила археолог Лидия Ивановна Ашихмина, изучившая тогда здесь погребения в ямах 1–3. Летние периоды в те годы были катастрофически засушливыми. Зачистки по матерiku мгновенно высыхали, каменели и меняли цветность, затрудняя их дешифровку и осмысление. Решено было использовать обильное орошение зачисток водой из... пожарных автоцистерн. Увлажненные площадки вновь зачищались и немедленно фиксировались на цветную пленку. Фотофиксацию деталей погребений в ямах 1–3 в сезоне 1973 года проводил студент-практикант из ЧГПИ Игорь Бузуев. Включение нескольких его снимков, с необходимыми в этом случае извинениями, в настоящий альбом было продиктовано тем, что: а) впервые во вновь открытом могильнике на верхних уровнях именно над ямами 2 и 3 были зафиксированы участки прокала и сажистые пятна — выраженные следы огневого культа (рис. 53–56); б) на перекрытии погребальной камеры именно в яме 2 были расчищены костяки трех коней (рис. 57–60). Игорем Бузуевым сняты также и остатки на полу погребальной камеры в яме 3 (рис. 61).

Осенью 1974 года в подборку снятых мной артефактов из раскопок Синташтинского могильника 1973–1974 годов попал сосуд из погребения в яме 2 (рис. 62) и бронзовый нож-кинжал из погребения в яме 3 (рис. 63, 1). Облик сосуда из погребения в яме 2 оказался интересен по нескольким параметрам. Прежде всего это плавно профилированная форма с большой разницей диаметров по устью и дну. Форма для синташтинского гончарства не характерная. То же можно сказать и об орнаментальных мотивах, прежде всего о редких вертикально ориентированных зигзагообразных «лентах» из оттисков гребенчатого штампа по тулову. Лично у меня подобная керамика вызывает ассоциации скорее с керамикой энеолитических культур Северного Казахстана, нежели с федоровской посудой, как считала Е. Е. Кузьмина. Одновременное существование подобных форм сосудов наряду с ведущими остросереберными типами для меня — один из аргументов в пользу рассмотрения памятников синташтинского типа как оставленных представителями транскультурного феномена рубежа III–II тысячелетий до н. э.

Если на перекрытие гробницы в яме 2 были уложены три коня, то на перекрытии погребальной камеры в яме 5 были расчищены костяки шести (!) коней (рис. 64–65). Можно лишь изумляться масштабам затратных строительных работ при сооружении погребальных камер и их величине. Гробница в яме 5 функционировала как склеп с возможностью подзахоронения. Здесь были захо-

ронены не менее пяти человек (рис. 66). Одно из погребений — «пакетного» типа (вторичное?) (рис. 67–68). Из предметов погребального инвентаря, связанных с погребениями в гробнице ямы 5, в публикуемой фотоколлекции представлены лишь переотложенные каменные, типичные для синташтинских памятников черешковые двусторонне ретушированные наконечники стрел (рис. 69–70). Предметный ряд погребения в яме 8 представляет массивный каменный пест (рис. 71). Погребения 16 и 10 были совершены последовательно. По заключению авторов монографии, погребение 10 было обустроено на перекрытии погребальной камеры погребения 16 (рис. 72). Интрига заключается в том, рассматривать ли эти погребения как ярусные, принадлежащие одному комплексу, или нет? Погребение в яме 11 сильно пострадало от действий грабителей могил еще в древности (рис. 73). С ямой 11 связано грустное недоразумение. В иллюстративную часть ошибочно были включены фотоснимки черепа лошади с якобы висевшими на нем *in situ* псалиями (в монографии рис. 22 и рис. 74, 1). В реальности после завершения стандартной процедуры археологической фотофиксации псалий, лежавших рядом с черепом лошади, я решил сделать иллюстрацию для учебного курса по археологии, который в ту пору читал в вузе, и своей рукой нацепил псалии на лошадиный череп (рис. 74 и 75). По этому поводу я запоздало извиняюсь перед введенными в заблуждение читателями.

В подборку публикуемых фотоснимков попали также отснятые мной осенью 1974 года в УрГУ сосуд (рис. 76) и бронзовый крюк (рис. 77, 2) из ямы 12, а также сосуд (рис. 78), бронзовый нож-кинжал (рис. 79, 2) и, наконец, изящная, тщательно отделанная костяная лопаточка (рис. 80) из погребения 16. Лопаточка эта в свое время вызвала оживленную дискуссию в научной среде. Точнее, ее функцио-

Рис. 53. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2. Раскопки Л. И. Ашихминой. Следы огневых ритуалов в верхней части заполнения ямы. 1973 г.

Фото И. Бузуева

Рис. 54–55. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2.
Раскопки Л. И. Ашихминой. Следы огневых ритуалов в верхней части заполнения ямы. 1973 г.
Фото И. Бузуева

Рис. 56. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2. Раскопки Л. И. Ашихминой. Следы огневых ритуалов в верхней части заполнения ямы. 1973 г.
Фото И. Бузуева

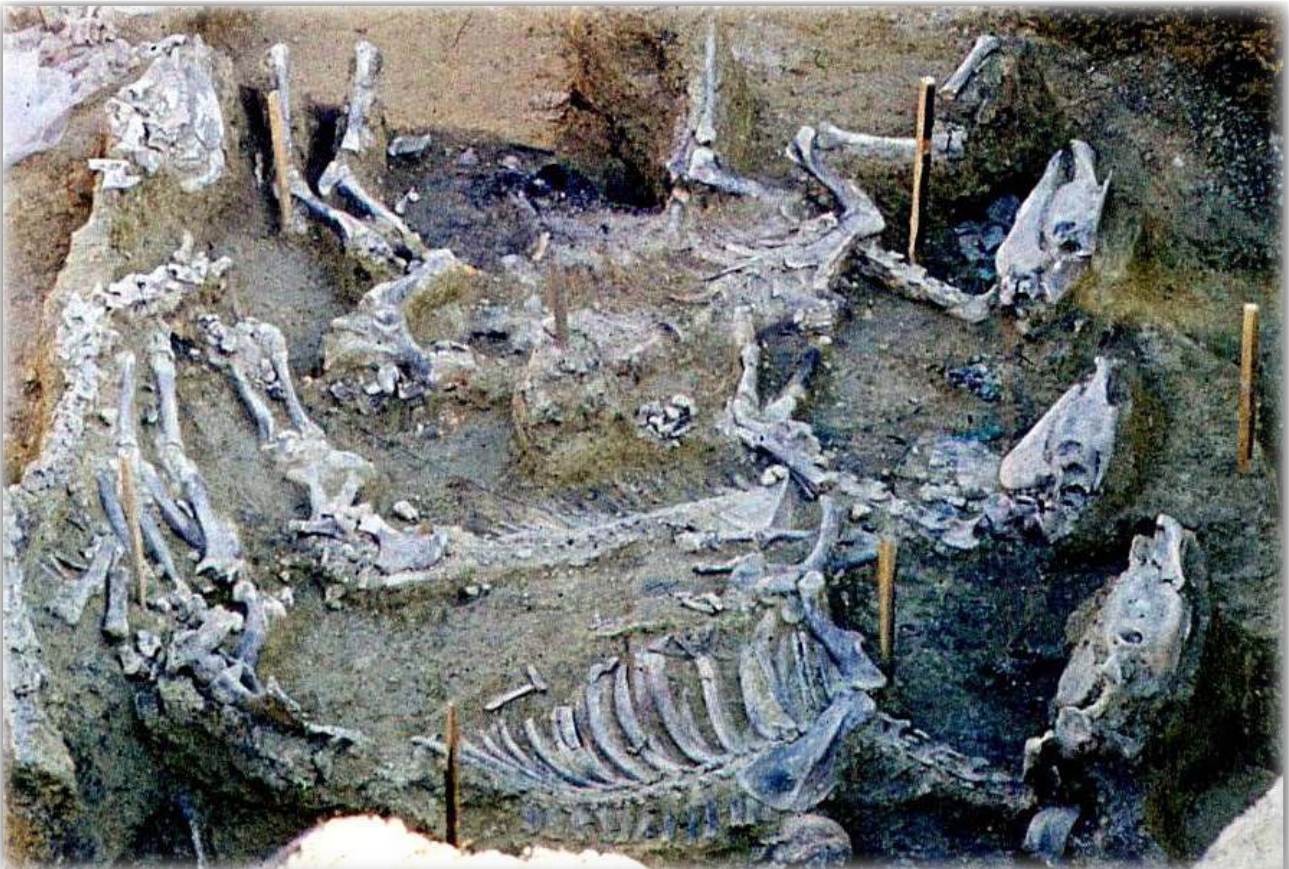

Рис. 57. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2. Раскопки Л. И. Ашихминой. Костяки коней на перекрытии погребальной камеры. 1973 г.
Фото И. Бузуева

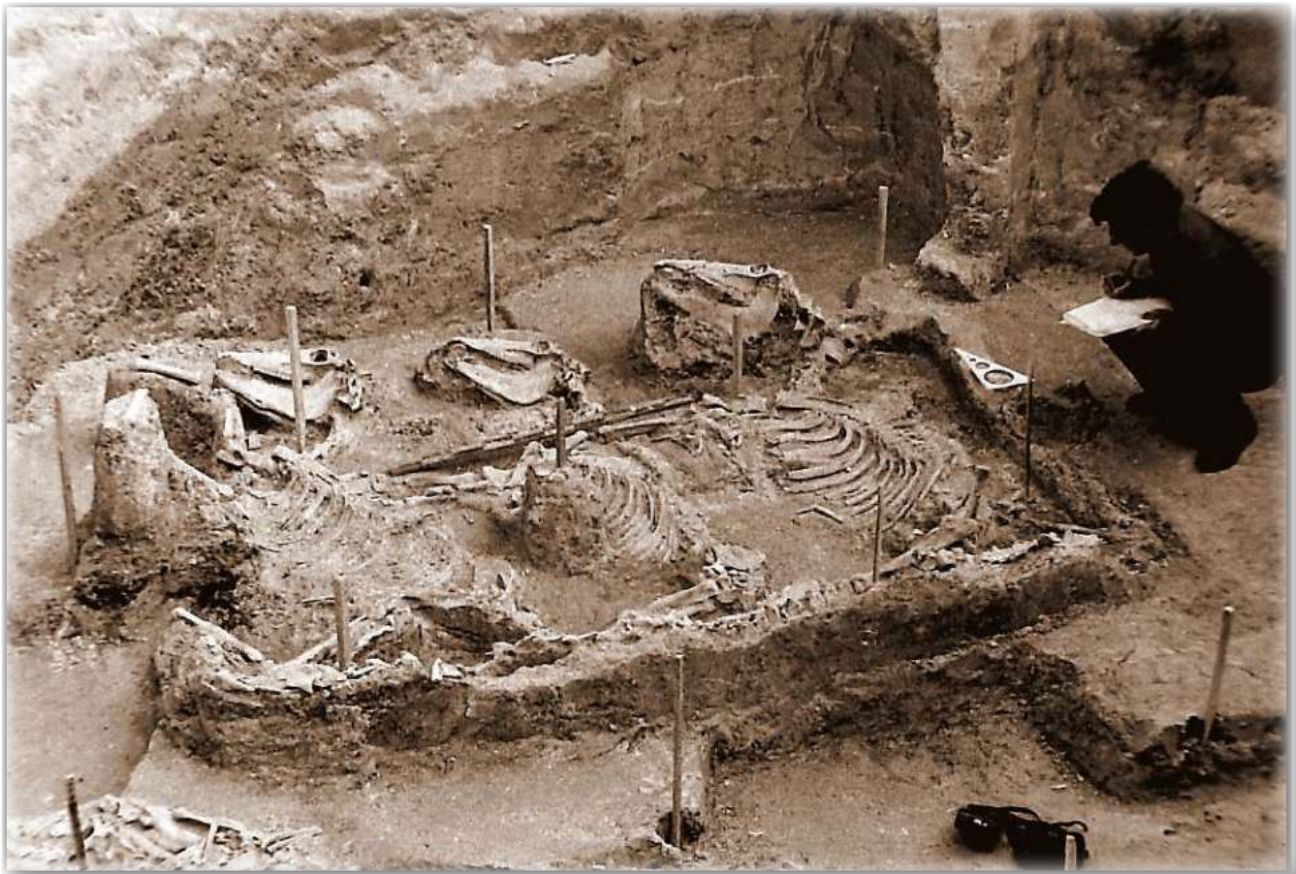

Рис. 58–59. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2.
Раскопки Л. И. Ашихминой. Костяки коней на перекрытии погребальной камеры. 1973 г.
Фото И. Бузуева

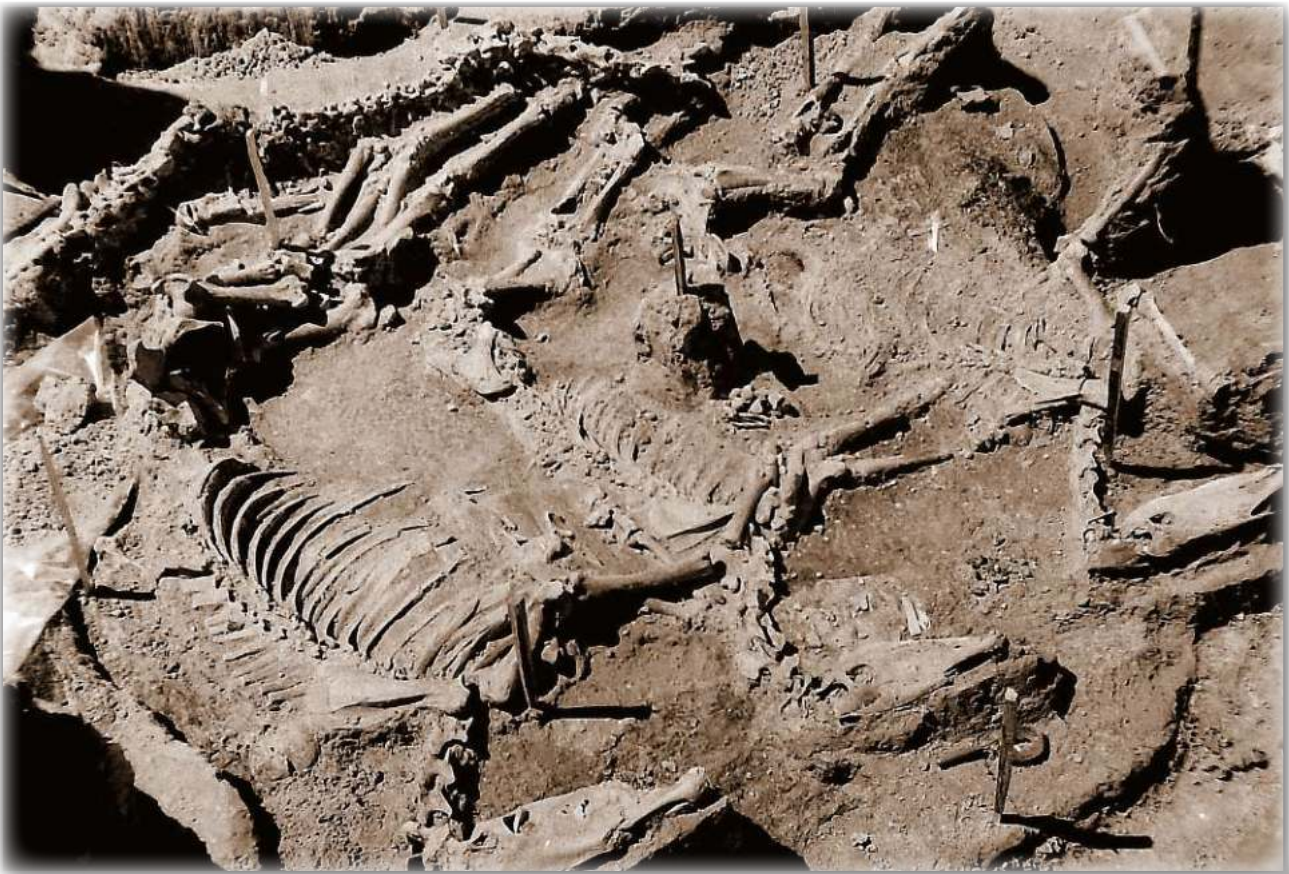

Рис. 60. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2. Раскопки Л. И. Ашихминой. Костяки коней на перекрытии погребальной камеры. 1973 г. Фото И. Бузуева

Рис. 61. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 3. Раскопки Л. И. Ашихминой. Остатки на полу погребальной камеры. 1973 г. Фото И. Бузуева

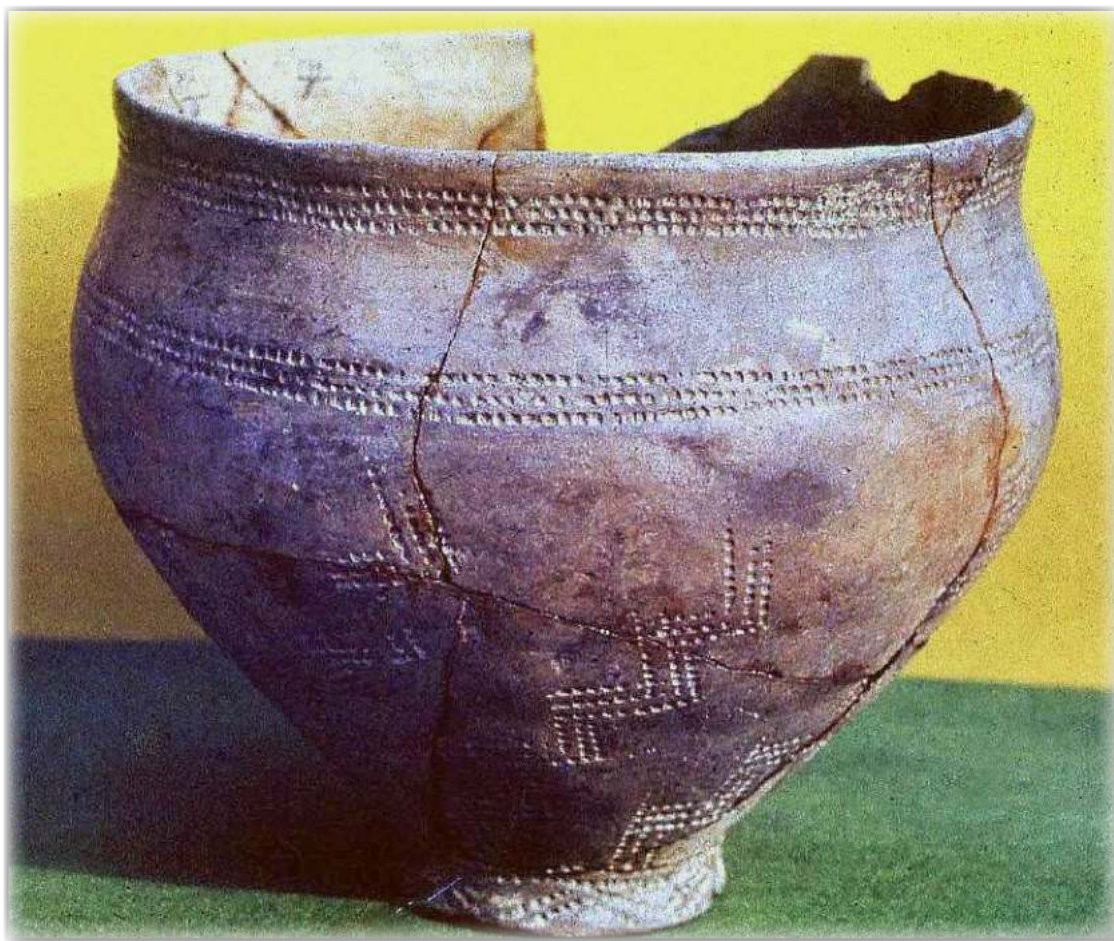

Рис. 62. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 2. Раскопки Л. И. Ашихминой. Один из найденных в погребении сосудов. 1973 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 63. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 3. Бронзовый нож-кинжал (1). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 64. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 5. Костяки коней на перекрытии погребальной камеры. Ракурс 1. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 65. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 5. Костяки коней на перекрытии погребальной камеры. Ракурс 2. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 66. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 5. Остатки на полу погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

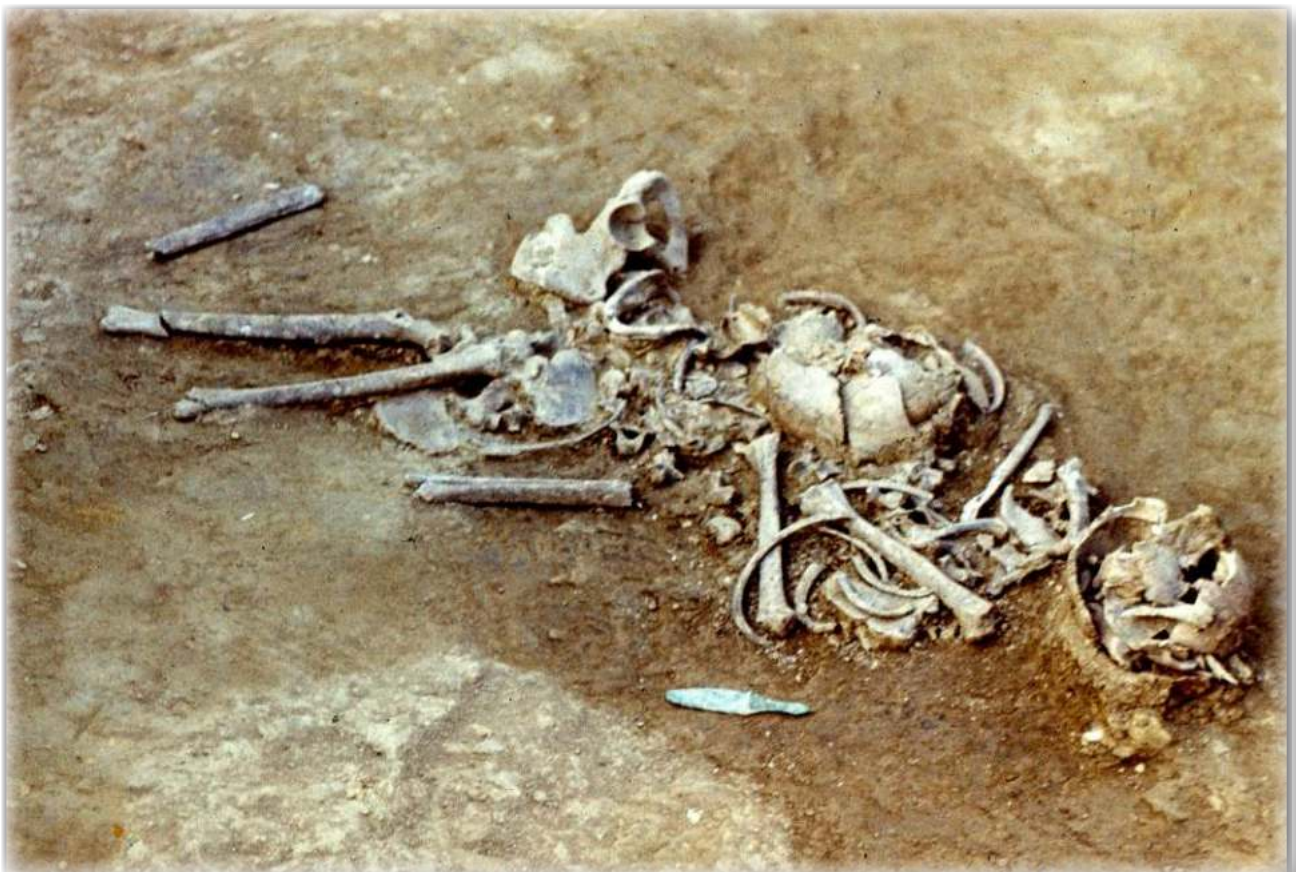

Рис. 67. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). «Пакетное» погребение в яме 5. Ракурс 1. 1974 г. Фото Н. Виноградова

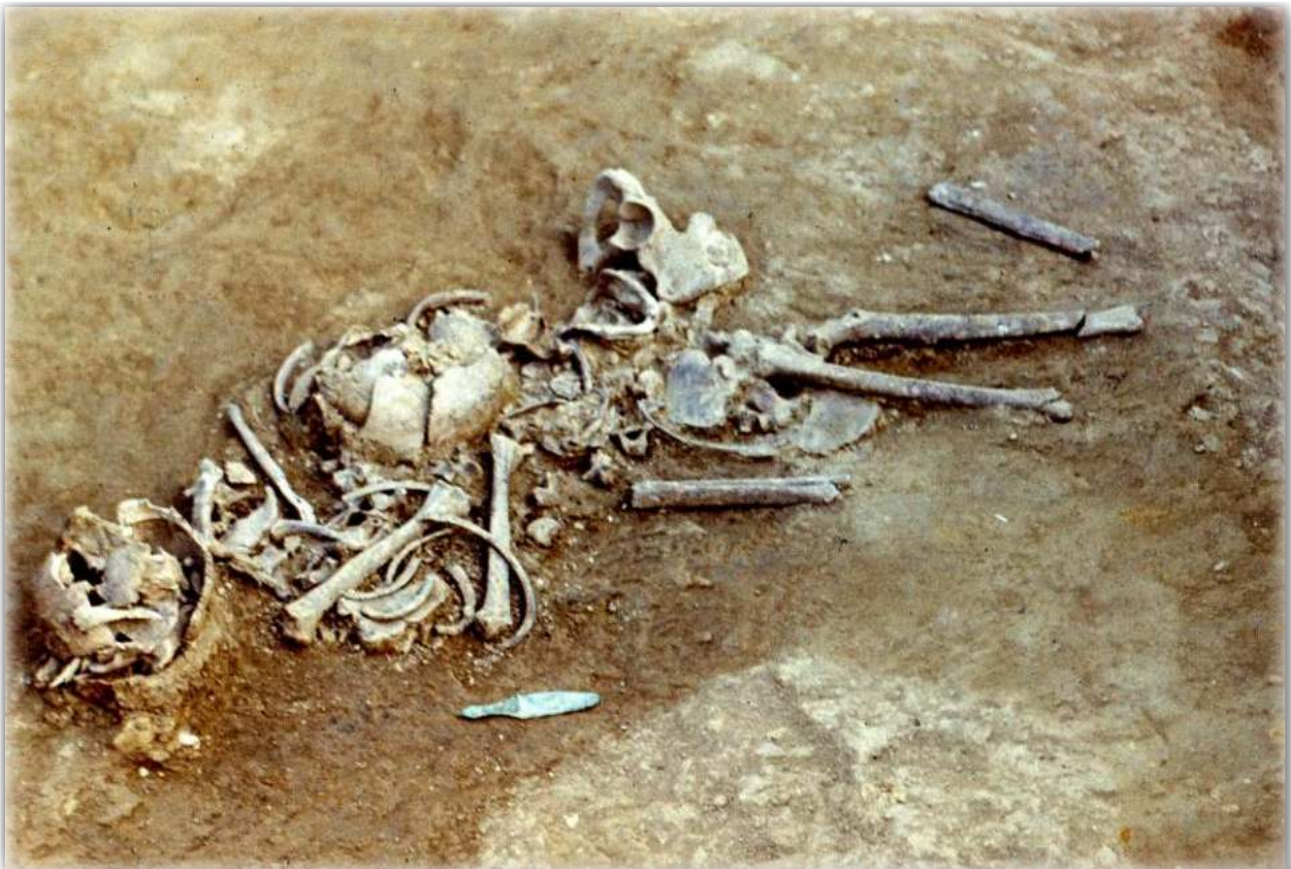

Рис. 68. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ).
«Пакетное» погребение в яме 5. Ракурс 2. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 69. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 5.
Каменные наконечники стрел на полу погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 70. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 5.
Каменные наконечники стрел. 1974 г. Фото Н. Виноградова

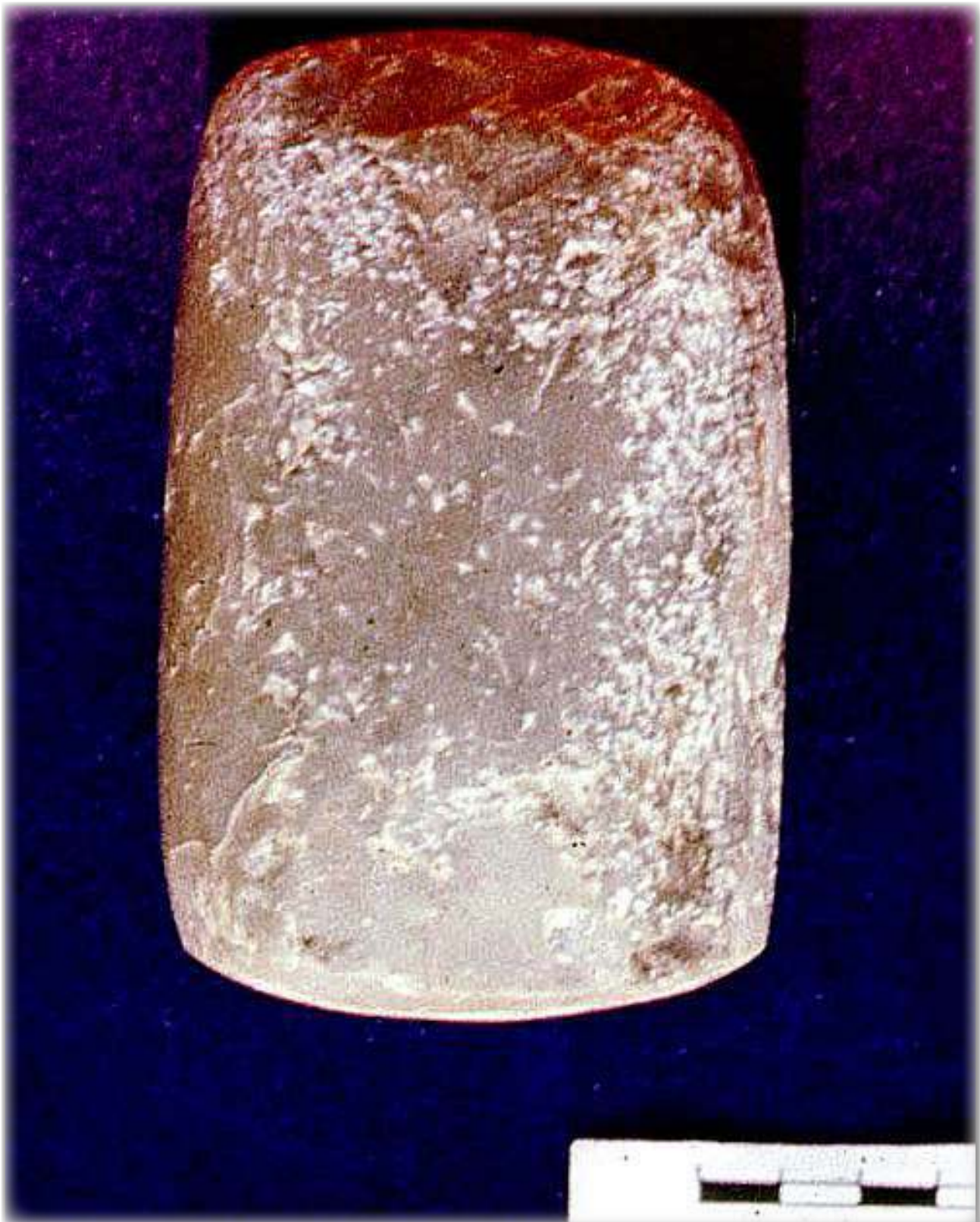

Рис. 71. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 8.
Каменный пест. 1974 г. Фото Н. Виноградова

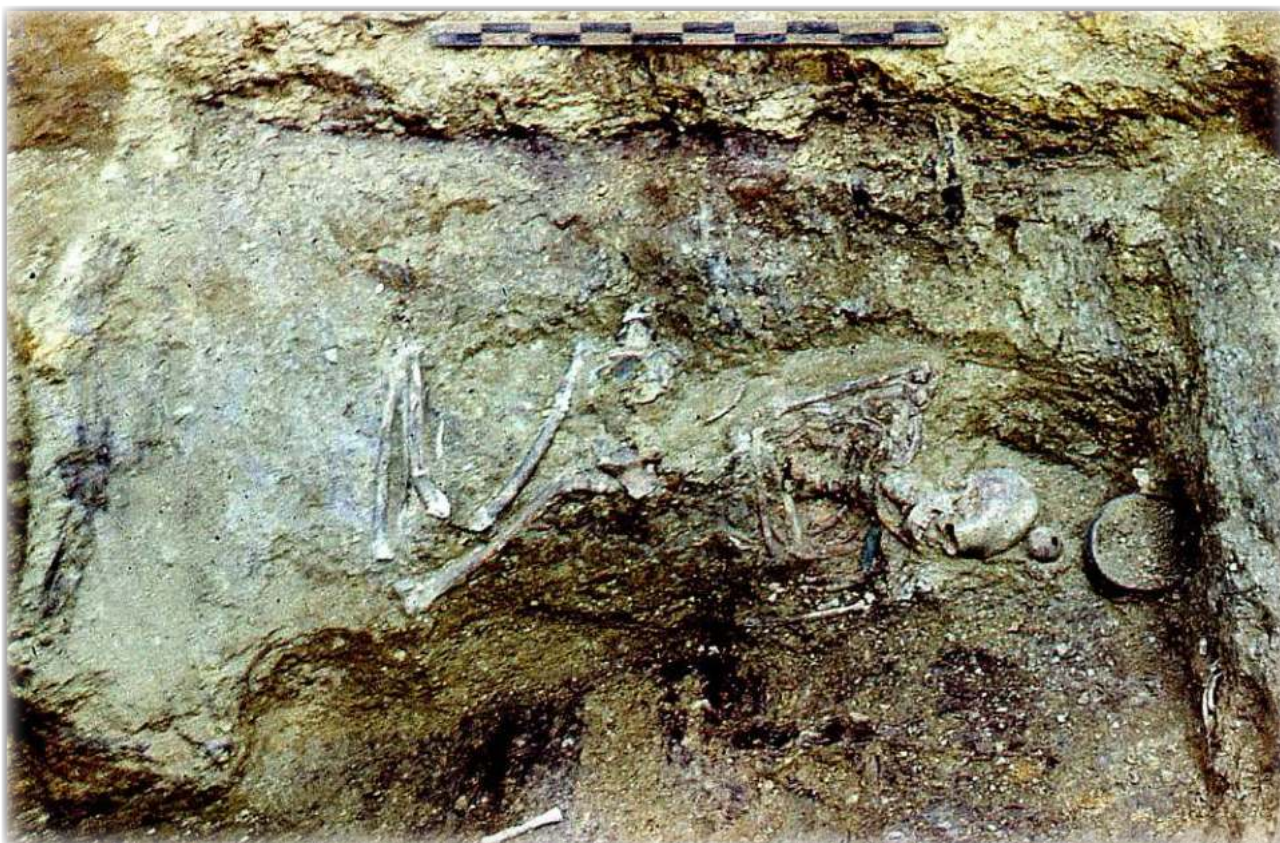

Рис. 72. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 10 (над погребением 16). Остатки на полу погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 73. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 11. Погребальная камера и потревоженные грабителями остатки на полу. 1974 г.

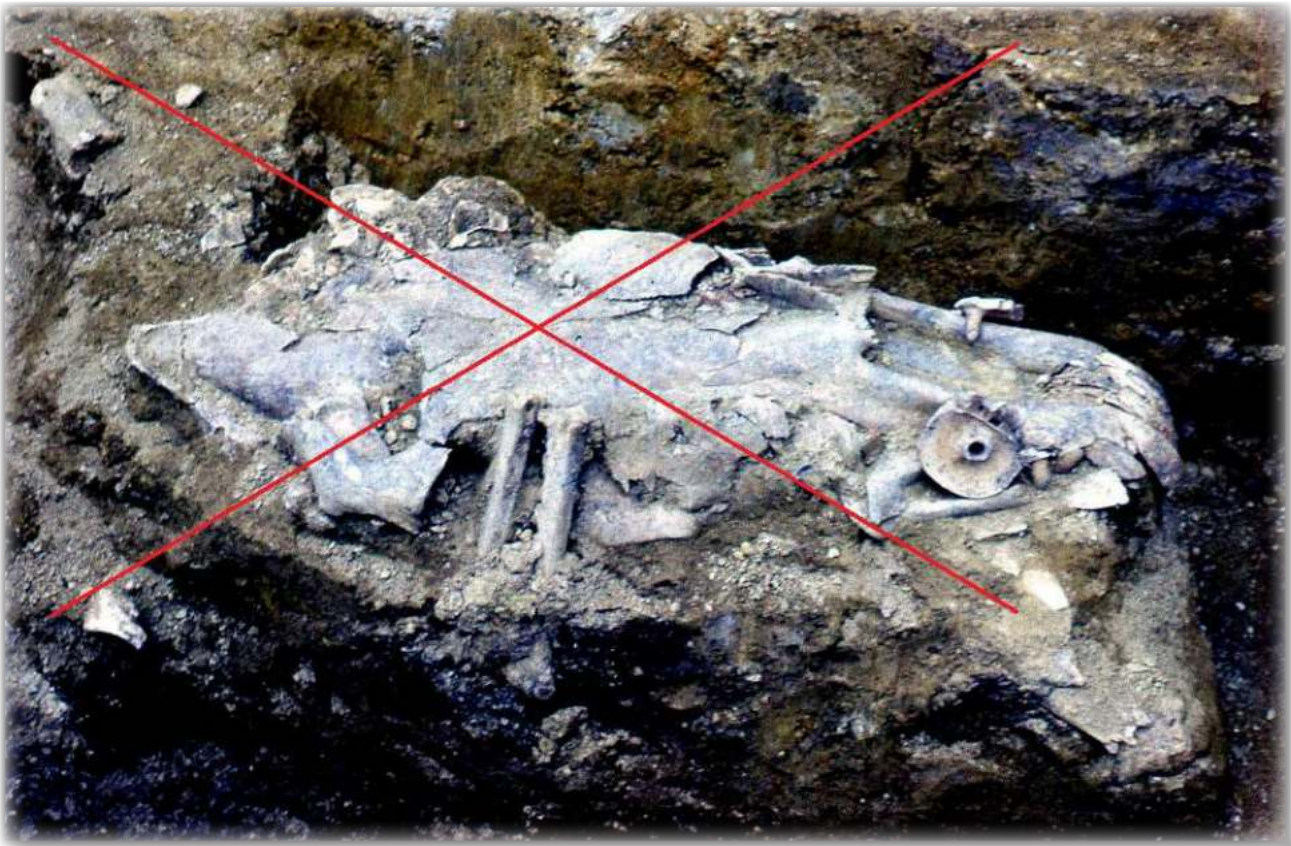

Рис. 74. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 11. Псалии in situ НЕ БЫЛИ на черепе лошади. Фотограф нацепил их по окончании собственно археологической фотофиксации для съемки в интересах учебного процесса в вузе. 1974 г.
Фото Н. Виноградова

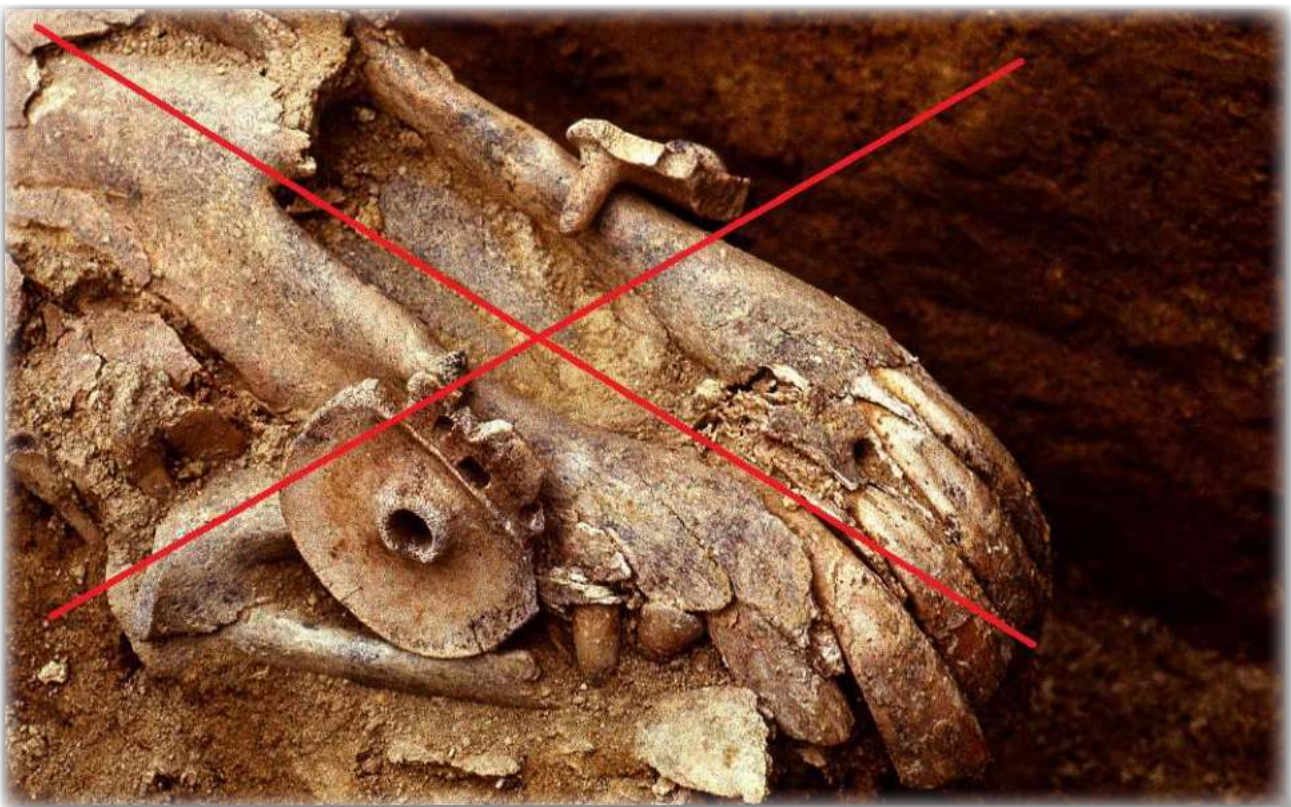

Рис. 75. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 11. Псалии in situ НЕ БЫЛИ на черепе лошади. Фотограф нацепил их по окончании собственно археологической фотофиксации для съемки в интересах учебного процесса в вузе. 1974 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 76. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Сосуд из погребения в яме 12. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 77. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Бронзовый крюк (2) из погребения в яме 12. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 78. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ).
Сосуд из погребения в яме 16. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 79. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ).
Бронзовый нож-кинжал (2) из погребения в яме 16. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 80. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение 16.
Костяная «лопаточка» — имитация плюмажа (украшения головы коня). 1974 г.
Фото Н. Виноградова

нальное назначение. Я согласен с теми, кто видит в этом и подобных предметах костяную имитацию плюмажа из перьев, который крепился на голову коня. Нечто похожее можно видеть, например, на головах коней в известной модели колесницы из Амударьинского клада.

В большинстве своем погребения взрослых людей в основной группе могил Синташтинского могильника (СМ) были ограблены еще в древности. Не стало исключением и погребение в яме 18. Все уровни погребения несут следы вторжения грабителей (рис. 81–83). Ограбление случилось, вероятнее всего, когда уже обвалился потолок погребальной камеры. Иначе сложно объяснить сохранение в зоне ограбления таких престижных металлических предметов, как бронзовый наконечник копья (рис. 85–86) и бронзовые, обтянутые золотой фольгой подвески в полтора оборота (рис. 87).

Следующая небольшая серия из трех снимков посвящена костякам коней, туши которых были уложены на деревянное перекрытие погребальной камеры в яме 19 (рис. 88–90). Погребение в яме 24 представлено в альбоме фотоснимком разреза деревянного столба в полу погребальной камеры (рис. 91) и камеральным снимком шести каменных наконечников стрел из этого погребения (рис. 92). Снимок (рис. 93) представляет остатки на полу погребальной камеры в яме 28. Погребальная камера сохранилась отчасти. На ее полу — костяки двух погребенных в положении «на спине с поднятыми в коленях ногами», столь характерном для абашевской погребальной обрядности. Из этой же ямы был извлечен и каменный наконечник стрелы (рис. 128, 2).

Рис. 81. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Расчистка погребения в яме 18 на уровне перекрытия. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 82. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 18 на уровне перекрытия. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 83. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 18. Заполнение грабительского вкопа. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 84. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Этот снимок, сделанный с пола одной из погребальных камер, показывает их возможную глубину в материке. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 85. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 18. Бронзовый наконечник копья. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 86. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Бронзовые наконечники копий. Погребения в ямах 18 (1) и 30 (2). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 87. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 18. Подвески в полтора оборота. Бронза, золото. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 88. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 19. Южная часть ямы с костяками коней на уровне перекрытия погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 89. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 19. Костяки лошадей на перекрытии погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 90. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 19. Северная часть ямы на уровне перекрытия погребальной камеры с костяками коней. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 91. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 24. Столбовая ямка в полу погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 92. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 24. Каменные наконечники стрел. 1974 г. Фото Н. Виноградова

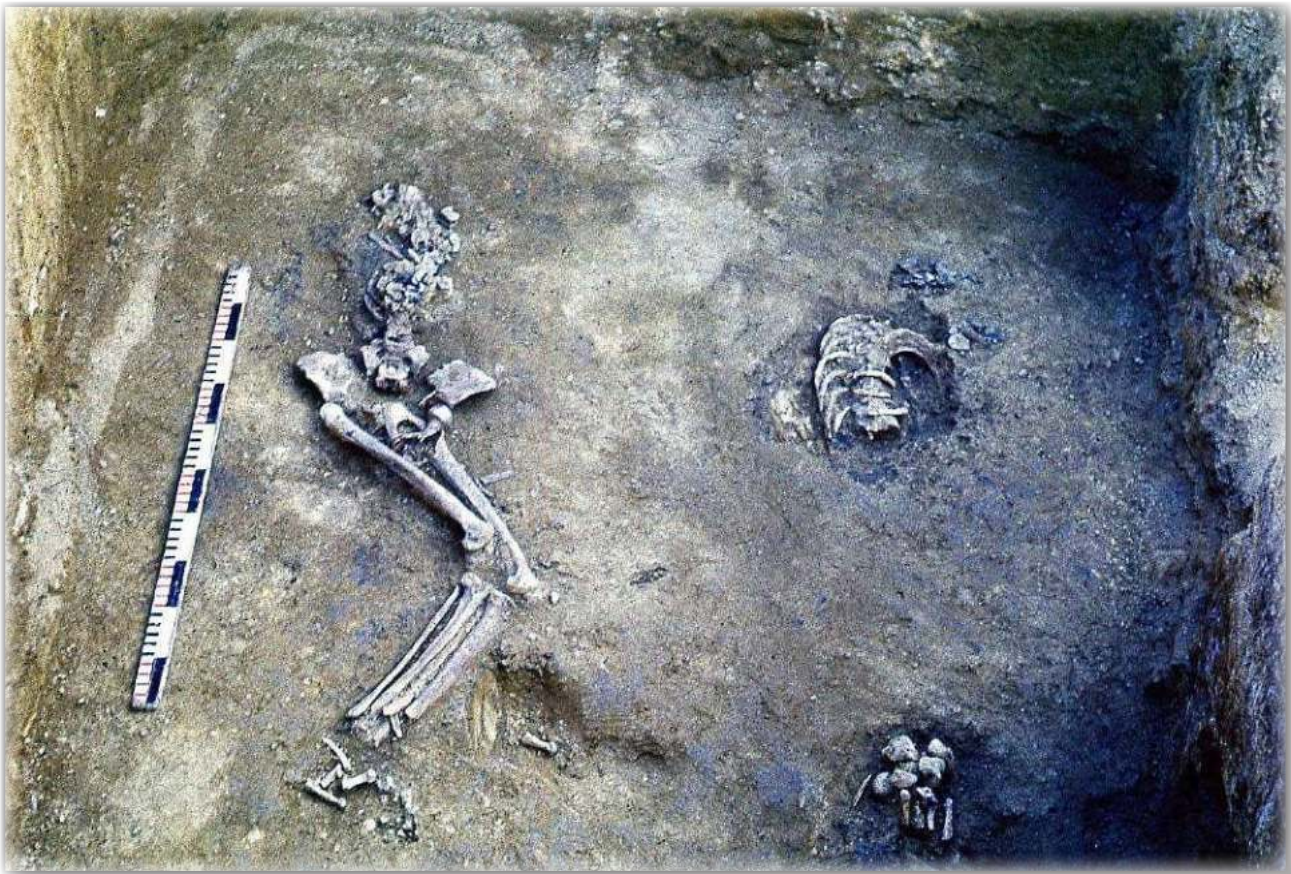

Рис. 93. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 28. Костяки погребенных на полу погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Летом 1974 года мне посчастливилось сделать небольшую серию фотоснимков отпечатков колес нескольких погребальных повозок, установленных в углубления пола погребальных камер Синташтинского могильника. Особенно ярко тема повозок представлена в погребальной камере ямы 30 (рис. 94–101). У края ямы 30 был расчищен жертвенный комплекс (в монографии 1992 года значится как «жертвенный комплекс II») (рис. 94). Авторы коллективной монографии 1992 года осторожны в вопросе отнесения этого жертвенного комплекса к погребению в яме 30. Погребение взрослого человека в яме 30 — одно из немногих не потревоженных грабителями. В юго-западной части пола погребальной камеры (рис. 95) — «пакетное» (вторичное) погребение взрослого человека. Судя по очертаниям, его кости были аккуратно уложены в продолговатую деревянную (?) емкость. По углам в этой же части пола видим по макетной выкладке «лошади»: голова, поставленная на основание, и четыре ноги (положенные парами), обрубленные в скакательном суставе (рис. 96–98). Здесь же — богатый инвентарь погребения, в частности бронзовый наконечник копья (рис. 102, 2). В другой половине пола погребальной камеры были открыты два удлиненных углубления (рис. 99–101), в которые на четверть диаметра были утоплены и зафиксированы грунтом два облегченных колеса, снабженных спицами. Вполне допускаю использование имитатора оси для придания колесам относительной устойчивости. Но здесь нет никаких свидетельств установки в погребальную камеру повозки «в сборе». «Ширина колеи» и в этом случае определялась шириной погребальной камеры. В случае с ямой 30 «ширина оси» лишь несколько превышает 1200 мм.

Рис. 94. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Жертвенный комплекс 2 у края ямы 30. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 95. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Остатки в юго-западной части пола погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 96. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Пакетное погребение и макетная выкладка лошади 1 в юго-западной части пола погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 97. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Череп лошади 1 и псалии в южном углу пола погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 98. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Макетная выкладка лошади 2 в юго-западной части пола погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 99. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Очертания углублений для установки колес в дне ямы. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 100. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Вычищенные отпечатки нижней четверти колес в северо-восточной половине дна погребальной камеры. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 101. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Одно из колесных углублений с отпечатками нижней четверти колеса. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 102. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Бронзовые наконечники копий из погребений в ямах 18 (1) и 30 (2). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Кроме того, материальный мир погребения в яме 30 интригует как весьма поздним типом псалиев (рис. 103–104), так и плавно профилированными сосудами с вертикальным (в двух случаях) расположением специфических орнаментальных элементов, вновь вызывающих ассоциации с гончарством энеолитических культур Северного Казахстана. И первое и второе вновь и вновь ставят перед исследователями проблему оснований либо для синхронизации погребений Большого грунтового могильника (СМ), либо для выделения в нем ранних и более поздних групп погребений.

На мой взгляд, необходимость полной версии анализа материалов Синташтинского могильника давно назрела. Для меня типологическое разнообразие керамики этого, да и других синташтинских памятников — веский аргумент в пользу сезонного комплектования населения укрепленного поселения представителями нескольких кланов кузнецов-металлургов-литейщиков, которые могли относиться к различным синхронным археологическим культурам.

Погребение в яме 31 в публикуемой коллекции представлено картиной остатков на полу погребальной камеры (рис. 105). Косвенно о связи погребенного здесь человека с металлопроизводством свидетельствует крупная малахитовая бусина (рис. 106), обнаруженная в положении *in situ* (?) за его головой. Завершает демонстрацию материалов из погребений Большого грунтового могильника серия снимков находок из погребения в яме 39: бронзовый вислообушный топор с бойком (рис. 107), бронзовое тесло (рис. 108), бронзовый нож-кинжал (рис. 109, 3), бронзовый крюк (рис. 110, 1), а также каменные наконечники стрел (рис. 111).

Замыкают этот раздел фотоснимки замечательного жертвенного комплекса I (согласно наименованию в монографии 1992 года) (рис. 112–114). Семантика подобных объектов явно нуждается в осмыслении и отдельном обращении (семантика перевернутого сосуда, видовой набор домашних животных в жертвеннике, набор частей туш животных и их взаиморасположение).

В заключение представляем фотоснимок произвольного набора сосудов из погребений Большого грунтового могильника, исследованных в 1973–1974 годах (рис. 115), а также бронзовые шилья, к сожалению, без указания погребения, в котором были найдены (рис. 116).

1975 ГОД. СИНТАШТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК (ПАМЯТНИК С II — МАЛЫЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК)

Летом 1975 года руководитель экспедиции Владимир Федорович Генинг поставил перед нашим (ЧГПИ) отрядом две задачи. Первая — локализовать границы Большого грунтового могильника. Задачу выполнили. Было выяснено, что в 1974 году эта группа погребальных сооружений исследована полностью. Во-вторых, нашему отряду было предложено исследовать Малый грунтовой могильник (С II, согласно монографии 1992 года) — группу из десяти плотно расположенных друг к другу могильных ям с удивительной сложностью как конструкций деревянных погребальных камер, гробниц, погруженных в избыточно глубокие ямы (рис. 84), так и загадочных деталей погребальных церемоний, которые сохранила земля.

Рис. 103. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Роговые псаали (лицевая сторона). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 104. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 30. Роговые псаали (оборотная сторона). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 105. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 31. Остатки на полу погребальной камеры. Желтой стрелкой указано местоположение малахитовой бусины. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 106. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 31. Бусина. Малахит. 1974 г.

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН,
инв. № МАЭ ОФ 938/2557

Рис. 107. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 39.
Бронзовый топор. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 108. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 39. Бронзовое тесло. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 109. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ).
Погребение в яме 39. Бронзовый нож-кинжал (3). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 110. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ).
Погребение в яме 39. Бронзовый крюк (1). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 111. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Погребение в яме 39. Каменные наконечники стрел. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 112. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Жертвенный комплекс 1. Ракурс 1. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 113. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Жертвенный комплекс 1. Ракурс 2. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 114. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Жертвенный комплекс 1. Кости животных (нижний слой). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 115. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ). Керамика из погребений Синташтинского могильника (СМ). 1974 г. Фото Н. Виноградова

Погребение в яме 1 явило перекрытие монументальной погребальной камеры, исполненное из плах в два наката (рис. 117–118). К сожалению, как и большинство прочих, погребение в яме 1 еще в древности подверглось тотальному разграблению. Грабители прорубили в мощном деревянном перекрытии ход через всю длину погребальной камеры (рис. 119). Тем не менее в заполнении могильной ямы и на ее дне археологи получили свидетельства первоначального разнообразия предметов погребального инвентаря: несколько сосудов (рис. 120–128), бронзовый наконечник стрелы (рис. 129), бронзовый нож (рис. 130), каменный пест (рис. 131), каменные наконечники стрел (рис. 128, 3–4), обломок рогового псаляя.

Индивидуальное погребение в яме 2 — достаточно скромное по размерам и внутримогильной конструкции. За спиной погребенного взрослого мужчины было положено бронзовое тесло «в сборе» с деревянной рукоятью (рис. 132–136). Бронзовый клин тесла и деревянную рукоять скрепляли воедино 13 витков замечательно сохранившегося ремешка из сыромятной кожи (рис. 135). Что поразило исследователей, так это эргономичность деревянной рукояти тесла (рис. 133–134). Из этого же погребения были извлечены клин еще одного бронзового тесла (рис. 137), каменный наконечник стрелы (рис. 128, 1) и два сосуда (рис. 138–140).

Интригующе выглядело погребение в яме 4. Его просторная погребальная камера была полностью вычищена грабителями (рис. 141–142). Исследователям достались два целых сосуда (рис. 143–144) и обломки еще двух. Один из сосудов (рис. 140) явно служил в качестве тигля. Его поверхности сильно оплавлены, покрыты пятнами фиолетовой окалины. Я понимаю появление этого сосуда в погребальной камере как материализованную часть погребального мифологического «повествования».

Рис. 116. Синташтинский могильник. Большой грунтовый могильник (СМ).
Бронзовые шилья из погребений. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 117. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1.
Конструкция перекрытия. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 118. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1.
Деталь конструкции перекрытия. 1975 г. Фото Н. Виноградова

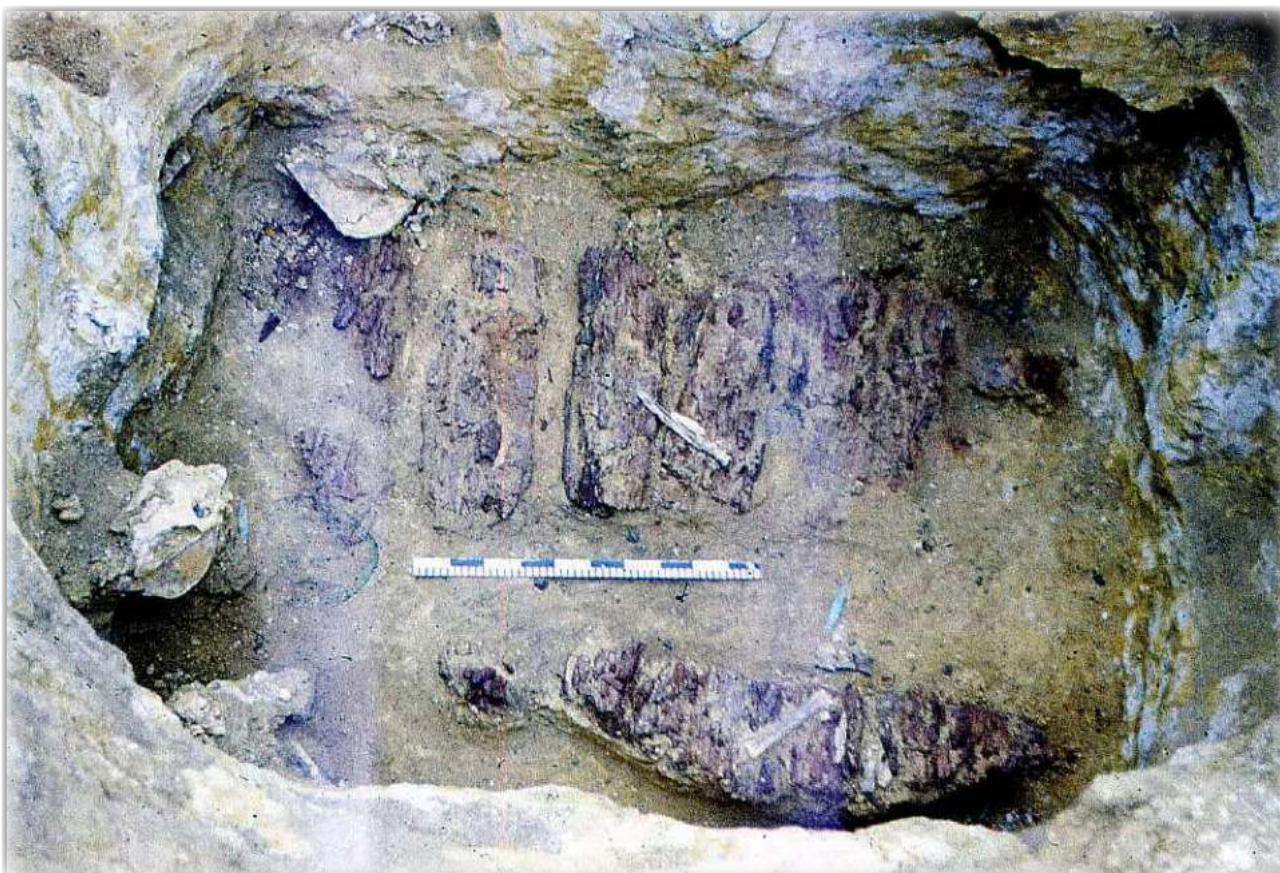

Рис. 119. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1. Перекрытие, разрушенное грабительским вкопом. 1975 г. Фото Н. Виноградова

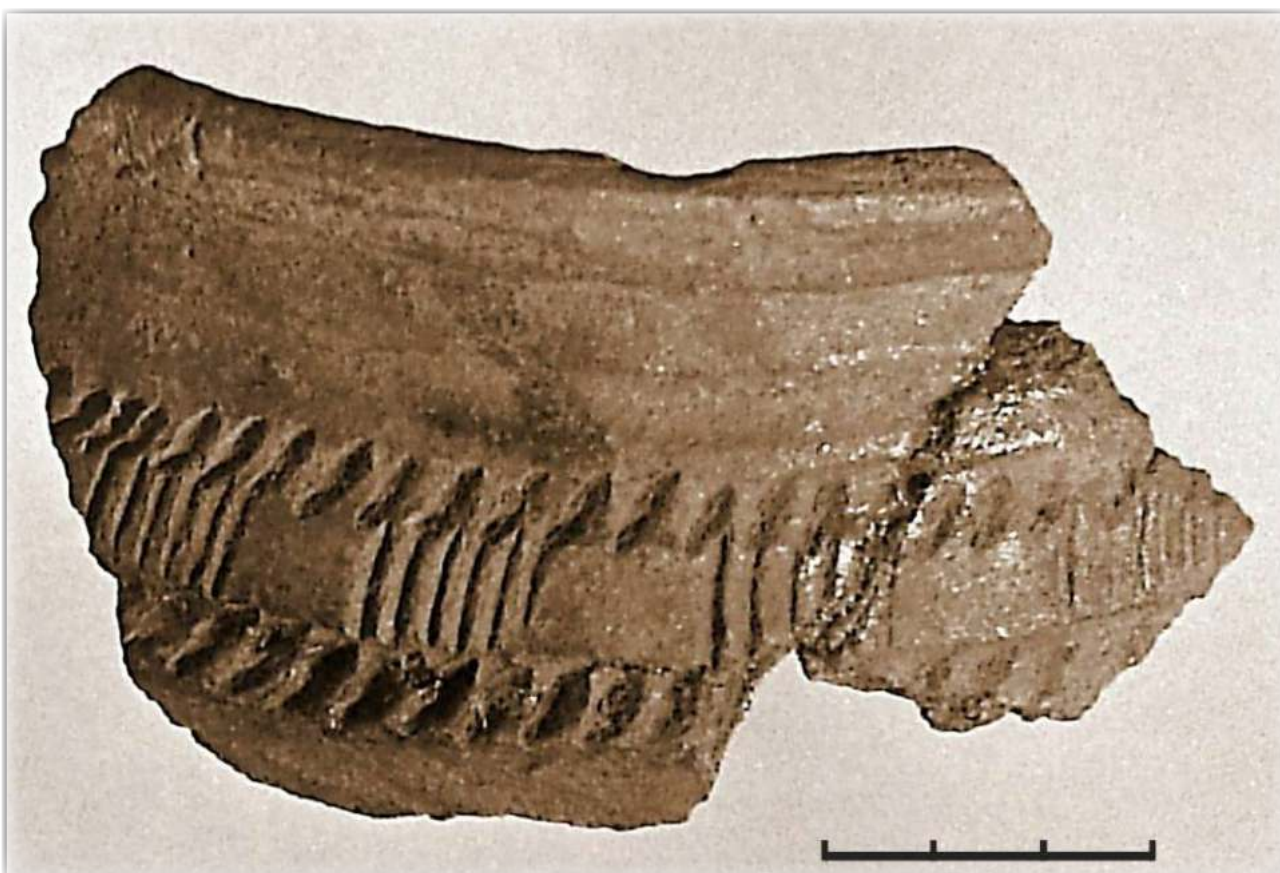

Рис. 120. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1. Фрагмент сосуда. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 121. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1. Сосуд. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/1

Рис. 122. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1. Сосуд. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/1

Рис. 123. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 1. Сосуд. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/2

Рис. 124. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 1. Сосуд. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/4

Рис. 125. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 1. Сосуд, 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/4

Рис. 126. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 1. Сосуд, 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/3

Рис. 127. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 1. Сосуд. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/3

Рис. 128. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Каменные наконечники
стрел из ямы 2 (1), могильной ямы 28 (2), заполнения могильной ямы 1 (3, 4). 1975 г.
Фото Н. Пашковой

ЧОКМ ОФ-6488/20, 77, 7, 8

Рис. 129. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1.
Бронзовый наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/9

Рис. 130. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 1.
Бронзовый нож. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/6

Рис. 131. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
 Погребение в яме 1. Каменный пест. 1975 г. Фото О. Ивановой
 ЧОКМ ОФ-6488/5

Рис. 132. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
 Остатки на полу погребальной камеры: бронзовое тесло за спиной погребенного и сосуд за головой.
 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 133. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2. Бронзовое тесло с фрагментарно сохранившейся деревянной рукоятью. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 134. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
Бронзовое тесло с деревянной рукоятью. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 135. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
Бронзовое тесло, скрепленное сыромятным ремешком с деревянной рукоятью. 1975 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 136. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
Бронзовое тесло 1. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/5

Рис. 137. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
Бронзовое тесло 2. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 138. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
Сосуд. Общий вид. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/16

Рис. 139. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 2. Сосуд. Детали орнаментации. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/16

Рис. 140. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2. Сосуд. Обработка венчика. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/16

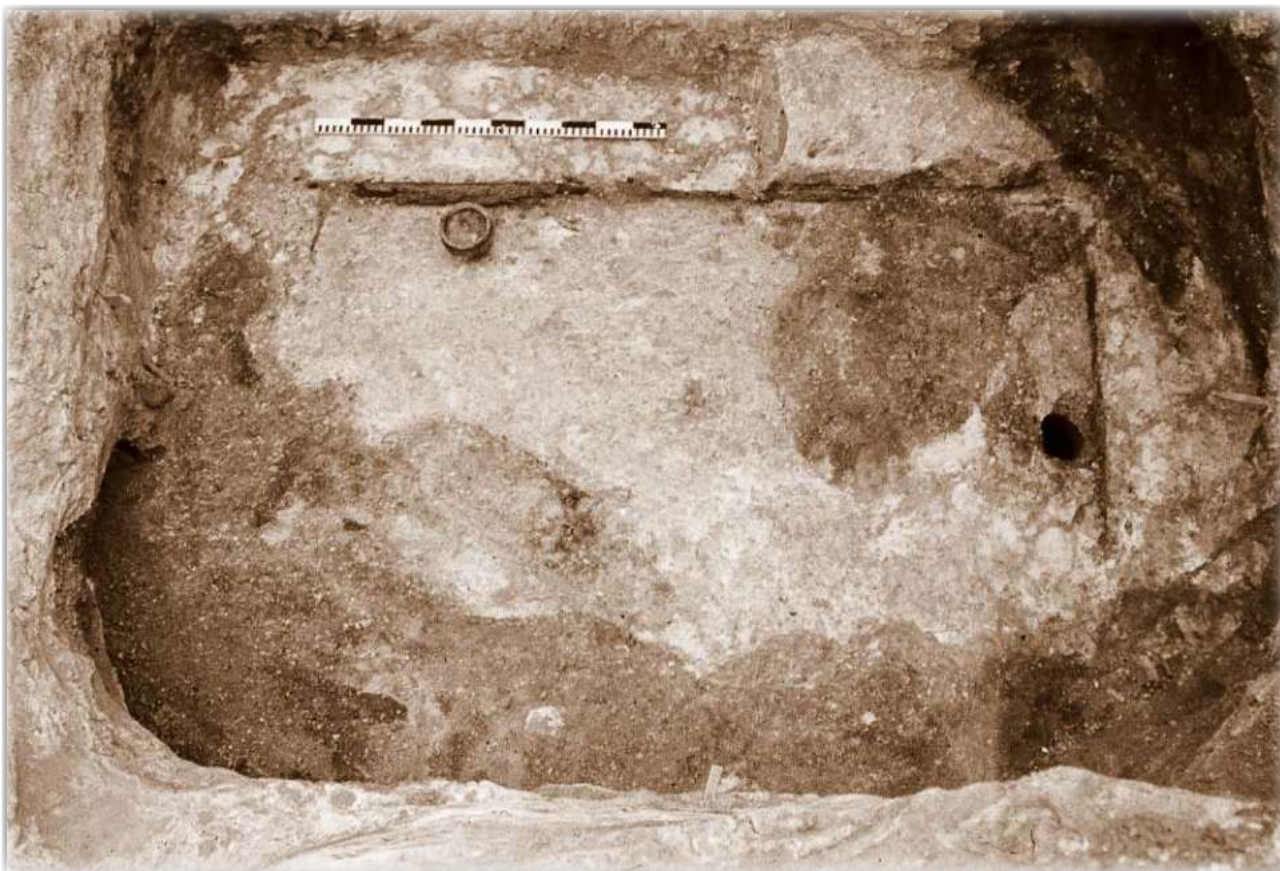

Рис. 141. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 4. Общий вид зачистки по полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

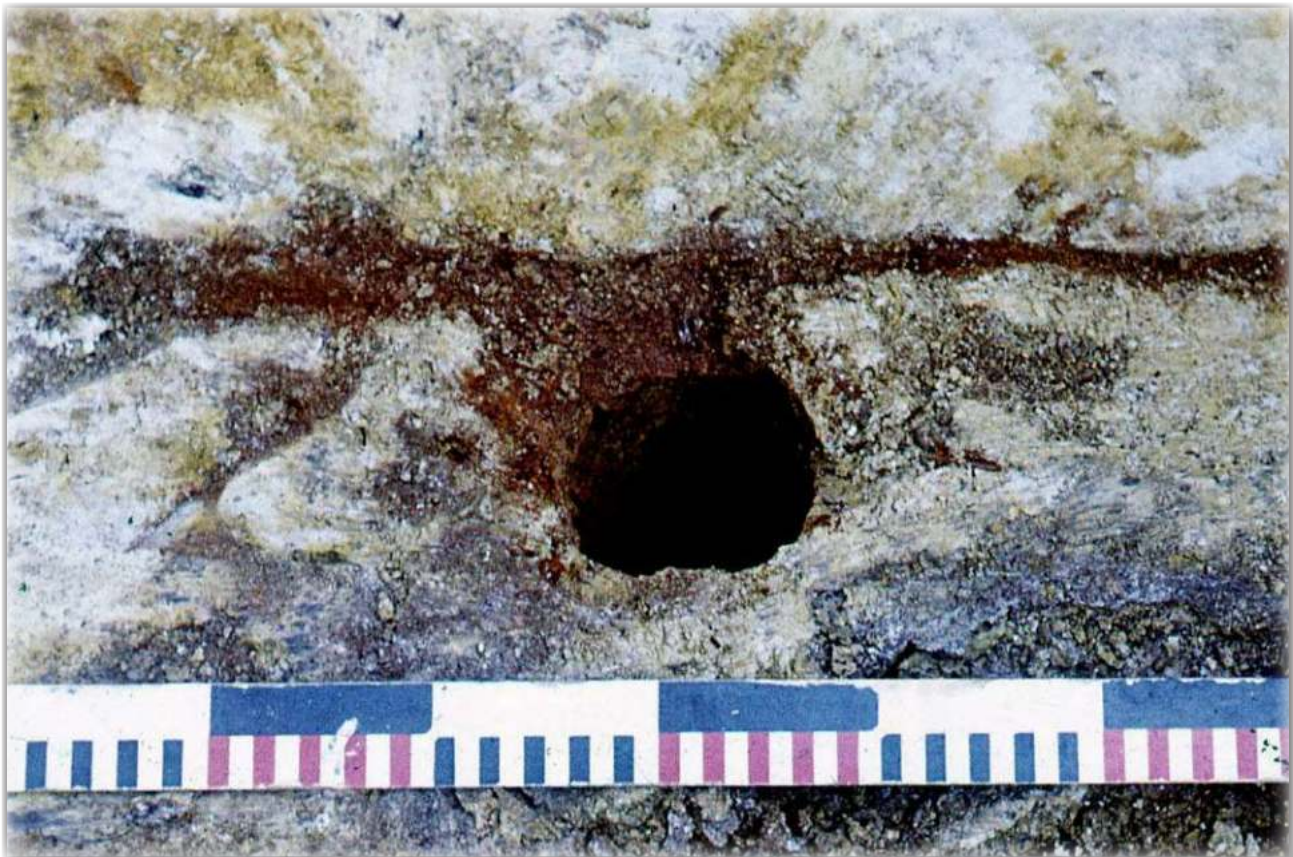

Рис. 142. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 4. Столбовая ямка у середины юго-западной стенки погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

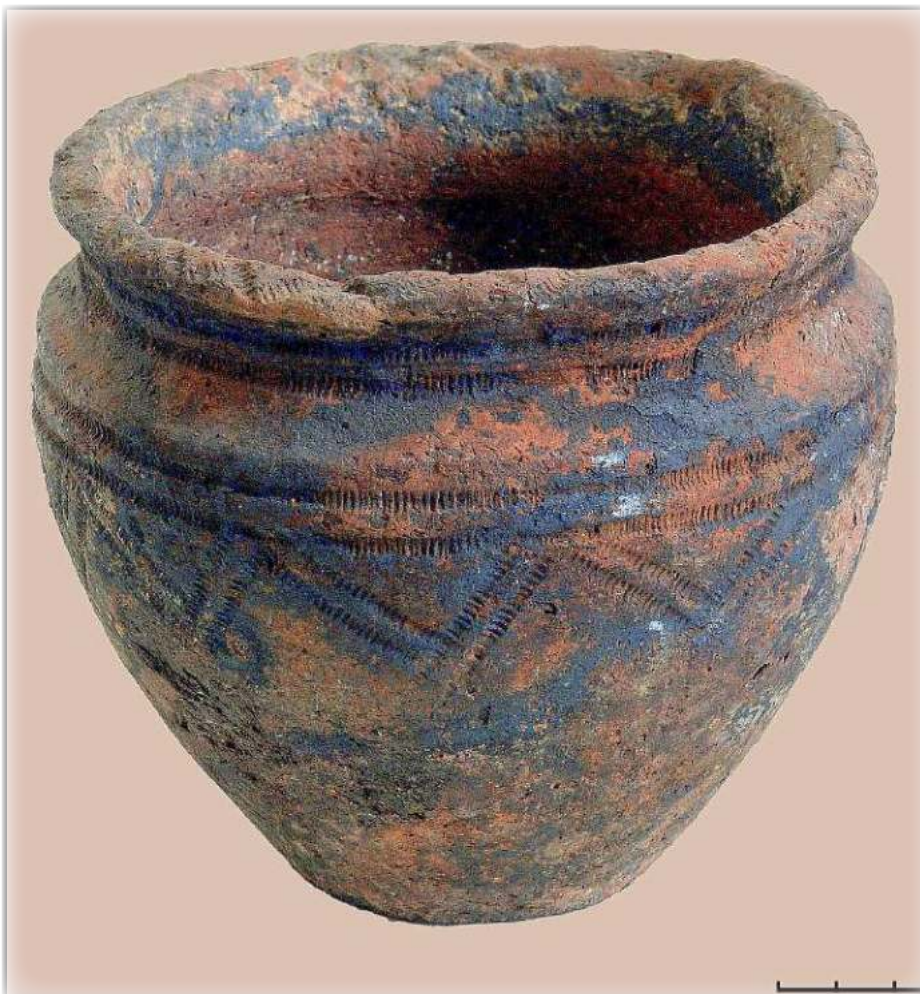

Рис. 143. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 4. Сосуд № 2. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/26

Рис. 144. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 4. Сосуд № 1. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/27

Содержимое масштабной погребальной камеры в яме 5, перекрытой в два яруса плахами, также стало добычей грабителей могил еще в древности (рис. 145–146).

Детское погребение в яме 6 (рис. 147, 148) добавило в коллекцию артефактов с памятника сосуд (рис. 149).

Яма 7 оказалась самой результативной по находкам в исследуемой группе. Погребальная камера в ней была рассчитана как минимум на двух погребенных — мужчину и женщину. Соответственно в погребении присутствовал сугубо мужской комплекс предметов погребального инвентаря: колчан с 14 стрелами (семь каменных и семь бронзовых наконечников с остатками деревянных древков) (рис. 150–154) и с остатками деревянного лука; бронзовый наконечник копья с несомкнутой втулкой; каменное навершие булавы из кремнистого алевролита (рис. 155–160); каменный оселок; каменное же полифункциональное орудие (рис. 189); бронзовое тесло (рис. 182); сосуд (рис. 161–163). Женская часть погребального инвентаря включала серебряный наконечник, бронзовые нож, перстень и сосуда (рис. 164–174).

Отдельно хотелось бы сказать о бронзовых наконечниках стрел из погребения в яме 7 (рис. 175–179). Они явно имитировали некий мифологический объект — скорее всего, Мировое Дерево. На нервюре — характерные утолщения. Нужно отдельное обращение к этому сюжету в контексте макетной реализации синташтинского погребального мифа о путешествии души. А нахождение подобного колчана «в связке» с каменным навершием булавы и архаичным наконечником (с разомкнутой втулкой) бронзового копья, значительно повышает статус их владельца в глазах исследователей.

Рис. 145. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 5. Расчистка перекрытия погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

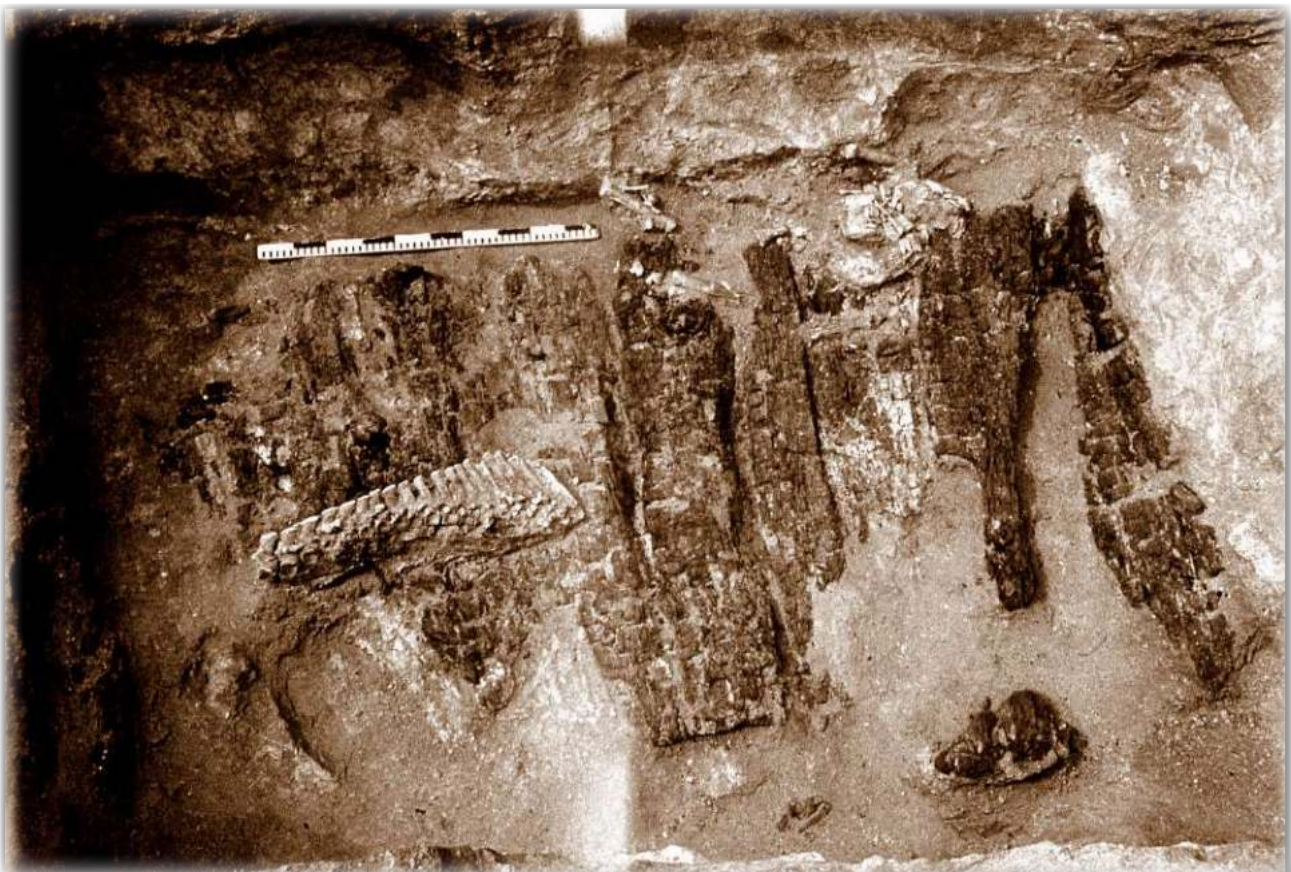

Рис. 146. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 5. Перекрытие погребальной камеры, с прорубленным грабительским вкопом. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 147. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 6.
Расчистка остатков на дне ямы. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 148. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Остатки на дне ямы 6.
1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 149. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 6.
Сосуд (фрагмент). 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/28-29

Рис. 150. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Фотофиксация остатков колчана на полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 151. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. В. Ф. Генинг за расчисткой остатков на полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Балдиной

Рис. 152. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Расчищенные наконечники стрел на полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 153. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Окончательная зачистка наконечников стрел на полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 154. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Окислы меди пропитали сухожилия, скреплявшие бронзовые наконечники с древком. 1975 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 155. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Бронзовый наконечник копья, навершие булавы (кремнистый алевролит) и каменное орудие неясной функции в центральной части пола погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 156. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Навершие булавы (кремнистый алевролит). Боковая проекция. 1975 г. Фото Н. Виноградова
ЧОКМ ОФ-6488/49

Рис. 157. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Навершие булавы (кремнистый алевролит). Верхняя часть с устьем отверстия. 1975 г. Фото Н. Виноградова

ЧОКМ ОФ-6488/49

Рис. 158. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Навершие булавы (кремнистый алевролит). Валик вокруг отверстия в нижней части навершия и технология сверления отверстия. Размышляя о технологии сверления, обратите внимание на ритмичные косые насечки на стенках отверстия. 1975 г. Фото Н. Виноградова

ЧОКМ ОФ-6488/49

Рис. 159. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Навершие булавы (кремнистый алевролит). Оформление валиком устья отверстия в нижней части навершия булавы. 1975 г. *Фото Н. Виноградова*

ЧОКМ ОФ-6488/49

Рис. 160. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Навершие булавы (кремнистый алевролит). Верхняя часть навершия булавы с отверстием. 1975 г. *Фото Н. Виноградова*

ЧОКМ ОФ-6488/49

Рис. 161. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Сосуд. Общий вид. Боковая проекция. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/35

Рис. 162. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Сосуд. Оформление верхней части и орнаментирование. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/35

Рис. 163. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Сосуд. Нижняя часть тулова. Орнамент. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/35

Рис. 164. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Сосуд (фрагмент). Ракурс 1. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/4

Рис. 165. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Сосуд (фрагмент). Ракурс 2. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/4

Рис. 166. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Сосуд (фрагмент). Ракурс 3. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/4

Рис. 167. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Сосуд. Общий вид. Ракурс 1. 1975 г. Фото Н. Пашковой
ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 168. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Сосуд. Общий вид. Ракурс 2. 1975 г. Фото Н. Пашковой
ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 169. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Сосуд. Орнаментальная композиция на внутренней стороне венчика.
1975 г. Фото Н. Пашковой

ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 170. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Сосуд. Часть орнаментального фриза по шейке, плечу. 1975 г.
Фото Н. Пашковой

ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 171. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Сосуд. Орнаментальная композиция по шейке, плечу и верхней части тулова сосуда. 1975 г. Фото Н. Пашковой

ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 172. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Сосуд. Орнаментальная группа по тулову. Ракурс 1. 1975 г. Фото Н. Пашковой

ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 173. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Сосуд. Орнаментальная композиция по тулову. Ракурс 2. 1975 г. Фото Н. Пашковой ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 174. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7. Сосуд. Орнаментальный фриз в придонной части тулова. 1975 г. Фото Н. Пашковой ЧОКМ ОФ-6488/34

Рис. 175. Синташтинский
могильник. Малый грун-
товый могильник (С II).
Погребение в яме 7.
Бронзовый наконечник
стрелы. 1975 г.
Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/51

Рис. 176. Синташтинский
могильник. Малый грун-
товый могильник (С II).
Погребение в яме 7.
Бронзовый прорезной
наконечник стрелы. 1975 г.
Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/55

Рис. 177. Синташтинский могильник.
 Малый грунтовый могильник
 (С II). Погребение в яме 7.
 Бронзовый наконечник стрелы. 1975 г.
 Фото О. Ивановой
 ЧОКМ ОФ-6488/52

Рис. 178. Синташтинский могильник.
 Малый грунтовый могильник (С II).
 Погребение в яме 7. Бронзовый
 наконечник стрелы. 1975 г.
 Фото О. Ивановой
 ЧОКМ ОФ-6488/53

Рис. 179. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 7. Бронзовый наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/51

Особого внимания заслуживают извлеченные из погребения в яме 7 сосуды. Один из них — достаточно традиционная для синташтинского гончарства корчага (рис. 161–163). Мы уже видели подобную, перевернутую вверх дном, в составе жертвенного комплекса 1 (рис. 112–114). Положение сосуда и контекст его нахождения не оставляют сомнения по поводу вплетенности его в некий мифологический сюжет, который еще ждет своего исследователя. Два остальных сосуда близки друг другу по модели орнаментирования. Сравните сосуды на рисунках 164–166 и 167–174. Один из них, без сомнения, можно определить как уникальный (рис. 167–174). Аналоги его мне не известны. Есть некие подобия в могильниках Оренбуржья, но лишь подобия, а не аналоги. Необычна уже сама форма: ваза выраженной плавной профилировки, с раздутым туловом, небольшим по площади дном и распахнутым устьем. Сосуд безукоризненно аккуратной ручной выделки с тщательной обработкой всех поверхностей. У меня нет сомнения в существовании как некоего плоскостного эскизного орнаментального проекта, который затем был перенесен на поверхности вазы, так и предварительной разметки орнаментальных блоков и элементов. Поражает степень плотности заполнения орна-

ментальными фризами поверхности сосуда. Наружная покрыта разнообразными, чрезвычайно сложными орнаментами полностью, за исключением узкого пояса в придонной части. Орнаментальный пояс есть даже на дне и внутренней стороне шейки. И в обычной-то практике древнего гончарства орнамент есть магическая формула, доведенная до уровня знаковой системы, тем не менее легко «читаемой» посвященными. А в «декоре» нашей вазы я склонен видеть некий невозможный для понимания современными людьми «текст». Мало того, что этот «текст» исполнен филигранными разнообразными геометрическими элементами (линии, желобки, пояса, треугольники, пирамидки, меандры, фестоны и далее по списку). Интрига «текста» заключена... в идее противопоставления — оппозиции. В самом деле, на внутренней стороне шейки видим аккуратный горизонтальный желобок и... два ряда (один выше желобка, другой — ниже) разнонаправленных вершинами заштрихованных треугольников (рис. 169). Люда Гагарина, рисовавшая вазу для отчета, уверяла меня еще в те далекие времена в том, что если на одной половине наружной поверхности сосуда орнаменты определить как позитив, то на другой половине те же элементы выполнены как негатив по отношению к первой.

Конечно, соблазнительно увидеть в этих орнаментальных сюжетах идею дуальной оппозиции, отражения борьбы светлых и темных сил. Но здесь самое время остановиться, поскольку процент умозрительности опасно превышает процент научной доказательности. Меня в свое время поразил и сам набор орнаментальных элементов. Большинство их так или иначе можно определить как солярные символы. Если учесть важность металлопроизводства в хозяйственно-экономической жизни синташтинцев, солярные символы не кажутся чужеродными в их жизненном контексте. Вывод «в сухом остатке»: орнаментальные пояса на этой вазе — безусловно, «текст», но мы никогда его не прочтем.

Последнее. Орнаментальный «текст» обсуждаемого сосуда настолько диссоциирует с привычным представлением об орнаменте как системе повторяющихся символов, что наводит на мысль об особой функции этого орнамента и сосуда, об особом статусе модели жизнеобеспечения его создателей.

Бронзовые ножи из этого погребения (рис. 180–181), несмотря на свою неважную сохранность, тем не менее указывают на бытование у этой группы населения распространенной формы ножей с ромбической пяткой черешка. Все бронзовые тесла Синташтинского могильника, в том числе из погребения 7 (рис. 182), также соответствуют ранним стандартам этого типа орудий, бытовавшим в синташтинских общинах (кланах). Каменные наконечники стрел из колчана в погребении 7 все с изящным удлинненным пером, коротким черешком (рис. 183–188), мастерски изготовлены в технике двусторонней ретуши. Меня всегда занимал вопрос: почему в палеометаллическую эпоху так активно применялись каменные наконечники стрел, выполненные в архаичной неолитической технике? И ответ всегда был один. Причины, видимо, заключались как в способности подобных наконечников наносить раны с рваными, плохо заживающими краями, так и в свойствах самого каменного сырья. Имеется в виду свойство слоиться при ударе (о кости скелета) с последующим неизбежным сепсисом.

Рис. 180. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Бронзовый нож 1. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 181. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Бронзовый нож 2. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 182. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Бронзовое тесло. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 183. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменный наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 184. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменный наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 185. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменный наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 186. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменный наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 187. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменный наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

Рис. 188. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменный наконечник стрелы. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/39

Каменное орудие (рис. 189), судя по визуальным наблюдениям следов на рабочих поверхностях, выполняло несколько функций. Погребение в небольшой по размерам яме 9 представлено в публикуемой подборке фотоснимком сосуда из нее (рис. 190, 191). Погребение в яме 10 принадлежало взрослой женщине (рис. 192–194). Погребальный инвентарь представлен одним из двух сосудов (рис. 195), небольшим бронзовым ножом с ромбическим лезвием (рис. 196) и четырьмя бронзовым желобчатыми браслетами с несомкнутыми концами (рис. 197–198). Первоначально они попарно служили украшениями запястий рук и одновременно зажимами окончаний рукавов платья.

Рис. 189. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 7.
Каменное полифункциональное орудие. 1975 г. Фото О. Ивановой
ЧОКМ ОФ-6488/43

Рис. 190. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II).
Погребение в яме 9. Сосуд. 1975 г. Фото Н. Пашковой
ЧОКМ ОФ-6488/67

Рис. 191. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 9.
Сосуд. Орнаментальный пояс под венчиком. 1975 г. Фото Н. Пашковой
ЧОКМ ОФ-6488/67

Рис. 192. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10.
Расчистка остатков на полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 193. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10. Остатки на полу погребальной камеры. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 194. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10. Кости рук погребенной с бронзовыми браслетами в области запястий. 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 195. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10. Сосуд. 1975 г. Фото О. Ивановой ЧОКМ ОФ-6488/68

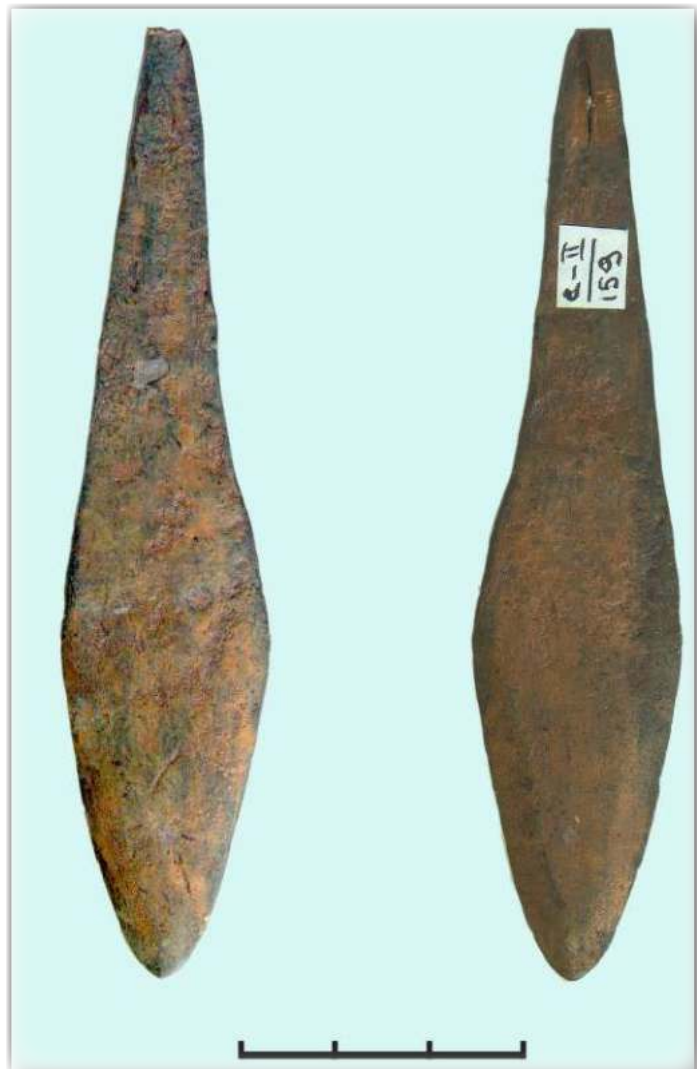

Рис. 196. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10. Бронзовый кинжал. 1975 г. Фото О. Ивановой ЧОКМ ОФ-6488/69

Рис. 197. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10.
Бронзовый браслет 1. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/76

Рис. 198. Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 10.
Бронзовый браслет 2. 1975 г. Фото О. Ивановой

ЧОКМ ОФ-6488/73

Синташтинский могильник. Малый грунтовый могильник (С II). Погребение в яме 2.
Н. Б. Виноградов за фотофиксацией. 1975 г. Фото Н. Балдиной

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли долгие десятилетия со времен феерического открытия блистательной Синташты. Уже первые «прикосновения» разнообразных ученых к синташтинской проблематике выявили неоспоримый факт: именно синташтинские общины моделью своего жизнеобеспечения задали общую направленность развития степным народам Южного Урала и Казахстана на практически целое тысячелетие (II тысячелетие до н. э.).

В древней и средневековой истории всего Урала мы не найдем другого эпизода столь масштабного воздействия относительно немногочисленной группы населения на кардинальную трансформацию образа жизни народов, живших в открытых ландшафтах Южного Урала и окружающих территорий, прежде всего необъятных степей Казахстана. Нам еще предстоит понять причины подобной пассионарности (по Л. Н. Гумилеву).

Коллекциям артефактов из раскопок памятников Синташтинского комплекса явно не повезло, как, впрочем, и их будущим исследователям. В свое время коллекции были по субъективным надобностям разделены на случайные по составу части. Чтобы поработать со всеми этими частями когда-то единой коллекции, решившийся на это соискатель должен будет совершить длительное и непростое сейчас путешествие из Челябинска (Государственный исторический музей Южного Урала) в Екатеринбург (Археологический музей и хранилище УрФУ), в Уфу (Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского исследовательского центра РАН), затем в Москву (Государственный Исторический музей), оттуда — в Санкт-Петербург (Государственный Эрмитаж) и, наконец, в Киев.

И все-таки авторов настоящего альбома не оставляют мечты о том времени и о той книге, где под одной обложкой читателям будет предложено и подробное описание материалов, и варианты решения проблем и загадок, которые Синташта «выдохнула» в начале 1970-х годов в пространство тогдашнего ученого мира.

Уходят времена романтик полевых,
У нашего костра поют не наши песни,
Но на семи ветрах остались только вы
в канве далеких снов тех первых лет ...
Ах, если б!

(С. Боталов)

Прощальный костер на Синташте. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Научно-популярное издание

Виноградов Николай Борисович,
Бобрик Наталья Георгиевна, Иванова Ольга Григорьевна

Синташта. Путешествие во «времена сновидений»

Редактор, корректор *И. Н. Козырева*

Верстка *И. Н. Козыревой*

**Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом - даль, за каждой далью - вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах - как бесконечно мал!**

Ш. Бодлер

